

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 4 (855) 21 января 1940 г., воскресенье Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Великое имя. МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ. Советским писателям. ИНФОРМАЦИЯ. В комиссии по драматургии, театру и кино. Торжества в Сыктывкаре. Накануне юбилея Навои. Увековечение памяти М. Ю. Лермонтова. Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа.

3 стр. ИОГАНН АЛЬТМАН. Ленин и актуальные проблемы художественного творчества. СЕСАР М. АРКОНАДА. Свет истины.

Великое имя

Ленин! С гордостью и любовью, с благодарностью и надеждой произносите это имя трудящиеся во всех уголках земного шара. Образ великого вождя и учителя народов стоит перед глазами миллионов подобно огненному маяку, зовущему к победе. Прекрасно выразил воздействие и обаяние образа Ленина Теодор Драйзер: «Память о нем не только священна, но жизненно необходима всему борющемуся миру».

Многие стремились и стремятся осмыслить, нарисовать величественный образ Ильича, воссоздать в своих произведениях живой облик величайшего из людей. Ни кому из них в полной мере еще не удалось этого сделать. Ни кому, кроме Сталина, гениального ученика, воплотившего в себе все черты учителя, Сталина — достойного и признанного продолжателя ленинского дела.

Гений революции! Так назвал своего учителя Сталин. В этих двух словах — весь Ленин, «Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений».

Порядок революции был для Ленина нормальным порядком в истории. Как полновластный вождь и революционный мыслитель, он находился всегда в центре борьбы, не растворяясь в движении, а возглавляя его, направляя массы, вооружая их могучими идеями.

Ленину принадлежит величайшая заслуга открытия исключительного по своему значению закона неравномерного развития капитализма и создания новой теории победы социализма. Ему принадлежит и честь руководства первой в истории победоносной революцией рабочего класса. И до Ленина пролетарским революционером было известно, что капитализм неминуемо должен погнубить, что общественный строй, основанный на капиталистической собственности, должен быть заменен новым общественным порядком, где эта собственность будет уничтожена. Но деятели рабочего класса ленинского периода освободительной борьбы придерживались того взгляда, что социализм сможет победить только сразу, одновременно во всех цивилизованных странах.

Империалистическая стадия развития капитализма внесла существенные изменения в обстановку, в условия революционной борьбы. И Ленин, пользуясь научным методом Маркса, руководствуясь его учением, превращает прежнюю установку. Он делает непреложный вывод: одновременная победа социализма во всех цивилизованных странах невозможна. Наоборот, в силу неравномерности развития капитализма, она не только возможна, но и неизбежна в нескольких и даже в одной, отдельно взятой стране.

Открытие этого закона было выходящейся победой науки о развитии человеческого общества, торжеством марксистской научной мысли. Ленинская теория дала перспективу рабочим отдельным стран, развязала инициативу и полнила отдельные отрывки интернационального движения в истинно на свою «отечественную» буржуазию. Первой под натиском пролетариата пала царская, буржуазно-помещичья Россия. Революция одержала победу в одной, отдельно взятой стране, как говорил Ленин, и создала тем самым все предпосылки для строительства социализма.

Ильичу не довелось дожить до дней полного триумфа его гениальной идеи. Он ушел от нас в момент, когда соревнование между социализмом и капитализмом внутри страны лишь начало развертываться. Враги ленинизма подняли головы, надеясь, что уход вождя расстроит ряды большевиков. Эти надежды были разбиты. Сплотившись вокруг верного ученика и боевого соратника Ленина, товарища Сталина, партия бесстрашно, по-ленински пошла вперед. Сталин заимчив и развил ленинское учение, осуществил его на практике, разгромив какультизаторов и предавателей.

Со дня смерти Владимира Ильича Ленина прошло шестнадцать лет. В нашу эпоху, когда без истории в сравнении с предшествующими веками вдесятеро ускорен, это большой срок. Измерять его надо не столько числом лет, но столько арифметическими, количественными величинами, сколько качественными изменениями в жизни человеческого общества. Один из замечательных современников Ленина, Анатолий Франс, в речи о Ленине, произнесенной через три года после его смерти, говорил: «Победа пролетариата неизбежна... Она будет логична, разумна, полна гармонии. Она уже выпрошивается над миром с непреодолимой ясностью геометрического построения».

Если прежде наступление социалистической эры представлялось лучшим умом современности как чертёж, как контуры будущего, то сейчас социализм стал реаль-

ным порядком существования человеческого общества на одной шестой части земли. Строители бесклассового общества имеют не только чертёж социализма, но и его сталинское исполнение, мастерское, блестящее, изумительное.

Коренной вопрос нашего времени, вопрос о возможности, реальности построения социалистического общества в одной, окруженной капиталистическими государствами стране решен положительно. В этом основной, решающий итог истекших шестнадцати лет. Перед восхищенными взорами разноплеменного человечества во всей своей величавой красоте и силе предстало государство новой демократии, государство подлинного всенародного морально-политического единства, грозное для капитализма, с могучей техникой и непобедимой армией.

Сталинское осуществление идей Ленина не было простым выполнением готовых во всех деталях планов. Оно было развитием, творческим продолжением дела Ленина как в области идейно-теоретической, так и в области организационно-строительной. Ленинские предначертания, развитые и дополненные, обогащенные опытом, легли в основу сталинских пятилеток. Учение о строительстве социализма развилось в законченную теорию построения коммунизма в СССР. Из побед социализма выросла грандиозная перспектива постепенного перехода к коммунистическому обществу 183 миллионов людей, возглавляемых партией, созданной бессмертным Лениным, партией, руководимой Сталиным.

Новое общество, созданное в СССР, состоит из новых людей, граждан страны Сталинской Конституции, свободных строителей коммунизма. Произошел переворот в быту, обычаях, культуре и сознании миллионов людей. Социализм — не только революция в экономических и общественно-политических отношениях. Он вместе с тем означает революцию в умах, в идеологии.

Мы являемся свидетелями изумительного роста политического сознания трудящихся, расцвета духовного творчества народов, населяющих Советский Союз. Культура, ставшая достоянием масс, движется вперед уже самими массами, предъявляющими все более повышенные требования к науке, литературе и искусству.

Пожалуй, отечившей всего влияние возросших запросов советского человека сказывается в художественной литературе. Это вполне закономерный процесс, ибо художественная литература призвана наиболее ярко отражать общественную жизнь, быт, нравы и психологию, показать героя нашего времени — советского человека, с его делами, думами, чувствами и переживаниями. Читатель хочет видеть в произведениях наших писателей образы своих вождей, мастерское изображение своей жизни, с ее пафосом, динамичностью, противоречиями, положительными и отрицательными явлениями.

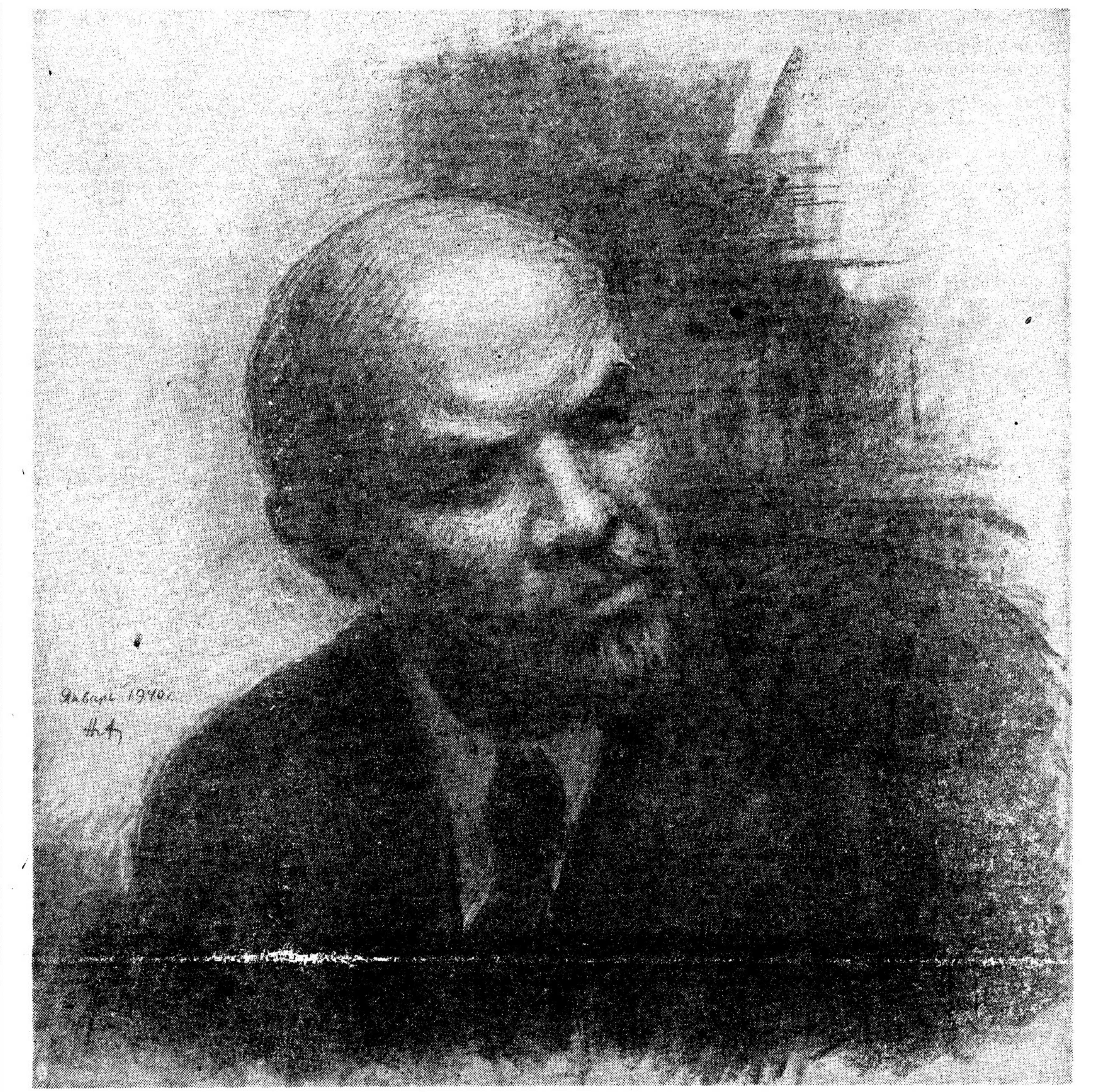
Благородная задача советской литературы состоит в том, чтобы, правдиво изображая действительность, запечатлеть героическую борьбу народа за дело Ленина — Сталина. Ленин говорил, что литература призвана будить общественное мнение. Чем вернее художник изображает живую действительность, тем сильнее он влияет на нее, тем значительнее и активнее его роль в общественной жизни.

Советская литература имеет уже произведения, ставшие жизненным спутником читателя, вошедшие в обиход советских людей как верные помощники и друзья. Но советским литераторам надо сделать неизмеримо больше того, что сделано ими до сих пор. Вдумчивое и всестороннее изучение общественной практики, расширение собственного жизненного опыта и глубокое усвоение марксизма-ленинизма — вот та основа, на которой может развиваться творчество советского писателя.

Ленин писал в одной из своих статей, что в литературном деле огромное значение имеет «обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию». В нашей стране просторы творчеству обеспечены каждому талантливому писателю.

В полноте народа, в его изумительных деяниях, в идеях Ленина — Сталина — неиссякаемый источник творческого вдохновения. Настоящий художник, мастер, достойный нашей великой эпохи, с неутомимой жаждой должен черпать силы из этого источника.

Советский народ, поднятый Лениным и партией большевиков на великое дело преобразования мира, строит во главе со Сталиным чудесное будущее человечества. Это будущее — коммунизм, грядущий в бой со всеми силами старого мира, коммунизм, завещанный нам гениальным учителем.

В. И. ЛЕНИН

Рисунок Н. Аввакумова

Увековечение памяти М. Ю. Лермонтова

Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление образовать Всесоюзный Комитет по увековечению памяти великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, 100-летие со дня смерти которого исполняется в 1941 году.

Председателем Всесоюзного Комитета утвержден А. А. Фадеев, заместителями председателя — П. И. Асеев и О. Ю. Шмидт. Членами Всесоюзного Комитета утверждены К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Н. С. Хрущев, А. С. Шербаков, А. Я. Вышинский, Н. А. Булганин, А. Ф. Горький, П. П. Поселов, П. А. Тюркин, Л. З. Мехлис, П. С. Полюков, В. И. Бомаров, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, А. С. Орлов, И. К. Лушпов, П. И. Лебедев-Полянский, П. Л. Мещеряков, Б. М. Эйхенбаум, Д. Д. Благой, В. Я. Кирпотин, Л. Я. Бродский, М. В. Крапченко, П. Г. Антокольский, В. В. Иванлов, В. И. Лебедев-Кумач, А. А. Прокофьев, И. Л. Сельвинский, П. А. Павленко, Н. С. Тихонов, Ю. И. Тынянов, К. И. Чуковский, А. Т. Твардовский, В. И. Немирович-Данченко, И. М. Москвин, В. В. Барсова, П. Л. Андроников, П. И. Чагин, П. Г. Тычина, Я. Кунава, Е. Н. Слонимов, С. М. Вургуц, Г. Сарьян, Г. А. Алишадан, Джамбул, Дехоти, Б. Малков, Дурды Клыч, Шариф Камал, Фаррах, Шогенкулов, Индиев, Г. Плиев, Г. Цалас, Т. Цуг, Б. Качаров, Х. Плиев, Ф. И. Безубова.

Всесоюзному Комитету поручено разработать необходимые мероприятия по увековечению памяти М. Ю. Лермонтова и широкой популяризации его творчества и влияния их на утверждение Правительства СССР.

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ НАВОИ

ТАШКЕНТ, 17 января. Юбилейный комитет Навои провел заседание, посвященное бессмертному произведению «Лейла и Мелжун».

Член-корреспондент Академии наук Союза ССР профессор Е. Э. Бертельс сделал доклад о поэме «Лейла и Мелжун», литератор Джалалов — о социальном значении поэмы, поэт Амин Умаров — о ее поэтических особенностях.

Композитор орденосеца Талыб Салыков сообщил об опере «Лейла и Мелжун», которая пишется в сотрудничестве с народным артистом Союза ССР композитором Глиэром. Переводчик поэмы Навои «Фархад и Ширин» поэт орденосеца Лев Пенковский прочел несколько отрывков из поэмы.

Торжества в Сыктывкаре

КИРОВ, 17 января. (От нашего спец. корр.). По дороге в Сыктывкар, в столицу Автономной республики Коми, делегация писателей Москвы, Украины, Грузии, Башкирии, далекой Чукотки остановилась в городе Кирове.

Вечером 16 января в редакции «Кировской правды» состоялся дружеская встреча гостей с кировскими писателями. Открытый вечер Ф. Панферов передает сердечный привет кировским товарищам по перу.

Затем выступают поэты Москвы, Кирова, Украины, Грузии. Первым берет слово И. Сельвинский. Он читает стихотворение, посвященное человеку, имя которого носит город. Читает с подьемом, вполголоса.

За ним выступает кировский поэт Владислав Заболотный с двумя отрывками из поэмы «Солнечное счастье». Марк Тарловский читает отрывок из своего перевода обращения в стихах казахского народа к великому Сталину. Изв. Молчанов — поэму «Два сына». И опять читают кировские поэты: Вячеслав Колобов — стихотворение, посвященное Сергею Мироновичу, Александру Милычаков — несколько лирических стихотворений, Б. Дьяконов — переводы стихов умуртского поэта Чайникова.

С напряженным вниманием слушает аудитория выступления украинца Герасименко, тбилисца Василия Горгадзе.

Тов. Герасименко читает на украинском языке отрывок из вступления к стихотворению «У прозежя дороги» и стихотворение «Выдумка».

С подьемом читает свое стихотворение «Матрос Штененко» Василий Горгадзе.

Заключает вечер С. Михалков. Он читает «Лялю Степу» и «Ведника».

Вечер прошел в исключительно теплой и дружеской атмосфере. Закрывая его, Ф. Панферов поблагодарил от имени всей делегации на обратном пути из Сыктывкара за то, что он принял делегацию в город Киров и организовал такой же вечер поэмы.

СЫКТЫВКАР, 18 января. (От наш. спец. корр.). Начались юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения родоначальника литературы коми Ивана Алексеевича Куратова.

Сегодня в Доме народного творчества состоялось торжественное заседание партийных и общественных организаций сов-

местно с представителями президиума союза советских писателей СССР.

Заседание открыл председатель Совпаркома республики т. С. Турпышев.

От имени грузинских писателей горячо приветствует народ коми Василий Горгадзе.

Затем выступают с приветствиями московские гости: С. Михалков, И. Сельвинский, И. Молчанов.

Доклад о жизни и творчестве Ивана Алексеевича Куратова сделал местный педагог т. И. Павлов.

После торжественного заседания состоялся большой концерт, в котором приняли участие артисты национального театра Коми, национального ансамбля песни и пляски, хор комп. радиокомитета, обязательный фольклорный хор и самодеятельные коллективы города.

Под бурные долго несомоляющиеся аплодисменты собрание приняло приветствия товарищам Сталину и Молотову.

СЫКТЫВКАР, 19 января. (От наш. спец. корр.). Сегодня утром открылся расширенный пленум союза советских писателей республики Коми с участием представителей президиума союза советских писателей СССР и писателей-гостей.

Открывает пленум Ф. Панферов. С докладом на тему: «И. А. Куратов — основоположник коми-литературного языка» выступает директор республиканского научно-исследовательского института т. А. Вежев.

В прениях приняли участие: И. Молчанов, писатель Коми В. Юхнин, критик Маркус, М. Чарный, М. Тарловский, украинский поэт К. Герасименко, башкирский драматург Низам Каримов, балкарский, грузинский поэт В. Горгадзе, писатель Коми Г. Федоров, Шалва Сослани, С. Михалков.

По предложению С. Михалкова собравшиеся горячо приветствуют сидящего в президиуме писателя Коми, орденосеца Михаила Николаевича Лебедева.

Вечером коми-национальный театр показал спектакль «Усть-кудомское восстание».

Письмо советским писателям

В ответ на приветствие советских писателей Мартин Андерсен-Нексе прислал следующий ответ:

Штейнхаусе, Дания, 5 января 1940 года.

А. Толстому, М. Шолохову, А. Фадееву, Ф. Панферову, В. Катаеву, А. Серафимовичу, Ф. Гладкову, Вс. Иванову, Л. Леонину, Н. Асееву, О. Форш, М. Зощенко, Н. Тихонову, Ш. Дадвани, А. Корнейчуку, Самед Вургуцу, Напри Зарьяну.

Дорогие друзья,

Ваш повогодный привет глубоко тронул меня и наполнил гордостью. Хотя и само собой разумеется, что пролетарский писатель борется за пролетариат и не дает спуску капиталистам, все же очень приятно, для разнообразия, после брони и ругани у себя на родине, получить милый и дружеский привет от вас.

Каждый раз, посещая Советский Союз, я возвращаюсь обратно, духовно очищенный, с новым запасом сил. Пребывание с вами, трудолюбивый советский народ, живительный воздух нашей страны, — все это бодрит и укрепляет, как парная ванна.

Я приветствую вас и от имени моих датских друзей. Нас не много, но мы хорошо держимся, дружно держимся вместе, и у нас неплохие успехи. Факт существования СССР — величайший и замечательнейший факт на земле для каждого классово-сознательного пролетария — служит нам потвержкой. И выли произведения, излучающие новый дух, показывают нам вновь и вновь, что хотя это и трудно, но все же безусловно стоит построить новый мир.

Желаю всего лучшего вам, Советскому Союзу и нашему общему делу в этом поворотном году.

С товарищеским приветом
МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ

Оперативная сводка штаба Ленинградского военного округа

В течение 20 января на фронте не произошло ничего существенного.

В ряде районов наша авиация произвела успешную бомбардировку. В воздушных стычках сбито 15 самолетов противника.

В комиссии по драматургии, театру и кино

На первом заседании секретариата комиссии по драматургии, театру и кино при президиуме ССП, состоявшемся 17 января, созданы шесть групп, в которых будет вестись повседневная работа членов комиссии. Группы по национальной драматургии возглавит И. Альтман, областной драматургии и театров РСФСР — К. Фини, детской драматургии — А. Бруштейн, народного жанра — В. Ардов, группу кинодраматургии — А. Каплер, консультантом и работу о молодых драматургах — А. Файко.

В отдел распространения пьес вошли И. Вирта и Р. Чичеров. На заседании было заслушано сообщение представителя Управления по делам искусств при СНК РСФСР о созыве в кон-

це января семинара-конференции молодых драматургов периферии, имеющих по одной-две пьесы и нуждающихся в творческой помощи. Для участников конференции будут организованы доклады о советском театре и драматургии, лекция о творчестве классиков. Секретариат поручил И. Альтману, А. Мацкину, Б. Романову и А. Файко уточнить программу семинара-конференции молодых драматургов.

По решению президиума ССП, в комиссии по драматургии, театру и кино дополнительно введены А. Гурвич, В. Гусев, П. Марков, В. Шваркин, В. Шкловский и Ю. Юзовский.

Рассказы о Ленине

Портрет

Когда выплати буржуев из Самары, поведи меня мой приемный сын Костя на собрание.

Видишь — на стене большой портрет, а на портрете знакомое лицо.

— Костя, — говорю, — да как же он сюда попал?

— Кто? — спрашивает Костя.

— А вот этот присяжный поверенный.

— Какой присяжный поверенный?

— А вот, который работал у Харина, а жил напротив нас, на втором этаже.

— Когда?

— А когда я еще была молоденькая. Когда он в Самаре-то жил.

— Да что ты, — говорю, — матушка, ведь это ведь наш, Ленин.

— Какой, — говорю, — Ленин? Это Ульянов Володя. Брат Саши Ульянова. То, что в Петербурге повесили. Я им еще белье стирала.

— Что ты говоришь, маменька?

— А вот то и говорю, что не жила я у них постоянно, а приходила, когда

постирать там, убрать. Прислугу они не держали. А в это время их, кажись, только двое и проживало в Самаре. Сестра Анна и брат Владимир.

И вот прихожу я однажды к ним и вижу: сидит Анна за столом в горько, горько плачет.

— Анна Ильинична, — говорю, — что с вами?

— Степенька, горький у нас сегодня день.

— Какой, Анна Ильинична?

— А вот какой. Несколько лет тому назад в этот день брата нашего Саму повесили.

— За что, — говорю, — Анна Ильинична?

Она мне рассказала, за что. И я заплакала. Жалко стало.

Уже после обеда Анна Ильинична, помню, с базара букет сирени, ландышей принесла и поставила на буфет в стаканах.

— За что, — говорю, — Анна Ильинична?

А Владимир, грустив, так весь день не выходил из комнаты.

Рассказала я это Косте, а он как привскочит:

— Маменька, — говорит, — так это и есть Владимир Ильич Ульянов, он же Ленин, — наш вожь, защитник угнетенных, друг трудящихся, и ты, оказывается, вон еще когда была с ним знакома!

— Да, — говорю, — и потому была знакома, что проживала он напососок от нас. А человек очень, очень добрый.

Удивился Костя. Удивился и я, как же он стал такой?

Прибежала домой.

— Дедушка, — говорю старому своему: — какой сейчас я на портрете видела? Ленину-то ведь кто?

— Кто?

— А тот, которому я белье стирала. Помнишь, против нас жил молодой адвокат Владимир Ильич?

— Да не может быть, — говорит он, — Степа, — неужели ж это правда?

Замислил в 1934 г. в г. Куйбышев со слов Степанов Харитоновны Ушаковой, 1861 года рождения.

Кто он?

Услыхала я — едет Ленин. Подумала, — это особенный человек! А в жизни его и не видела!

Был у нас в трамкарке организатором очень разговорчивый парень.

— Ленин-Ульянов, — говорит он, — едет из-за границы. Мы должны его встретить, как самого лучшего нашего друга. Это старый подпольный работник. Он в седьмом году скрывается от царского правительства и десять лет прожил за границей.

— Ты говоришь, едет сюда? Как, говоришь, его фамилия?

— Ульянов-Ленин.

— Позволь... Позволь... Ульянов! Знакомая фамилия. Где-то встречалась она мне.

Стала я припоминать и вспомнила, что в шестом году, когда я служила в рабочих на Царскосельского вокзала на углу Глазговской и Зеленоградской, слышала я эту фамилию. Но в чем тут дело — позабыла.

Встретилась я старую свою хозяйку и спрашиваю ее:

— Елена Николаевна, скажите, пожалуйста, этот Ульянов-Ленин, который едет к нам из-за границы, не тот ли это Ульянов, который, помните, в шестом году у вас все читал и писал? Помните?

— Ну, конечно, Матреша, он.

— Он был тогда только Ульянов, а теперь и Ленин. Почему ж теперь фамилия у него двойная?

Елена Николаевна объяснила. Вот я тогда все и узнала.

В начале ноября тысяча девятьсот пятого года приехал он в Петербург из эмиграции и поселился на Пискарев. Потом переехал с женою на Греческий проспект. Но тут царское правительство догадалось, кто приехал. Стало его искать да разыскивать. Тогда он и его жена поселились под чужими фамилиями, каждый отдельно, чтобы в случае прихода кто-нибудь остался на свободе. Вот они все и кочевали между Питером и Финляндией.

А девятого мая шестого года был митинг в Народном доме Панфилов, и выступил очень чудесный оратор, по фамилии Карпов.

Многие не знали, кто этот Карпов. Когда же он заговорил, сразу поняли, кто он.

Говорил-то он настолько зажигательно,

что, когда кончил, некоторые рабочие прямо-таки порвали свои красивые рубашки, сделали из них флаги и с этими знаменами, с революционными песнями вышли на улицу. А оратор под именем Карпов был окружен своими ближайшими товарищами и передовыми рабочими. По их зашитой он и вышел из зала.

По всей дороге до самой квартиры, где я жила в рабочих, были раставлены пикеты. В последнем пикете стояла моя тогдашняя хозяйка Елена Николаевна. Она-то и вела его в квартиру.

В кабинете у хозяйки стоял бордовый диван. Елена Николаевна мне и говорит:

— Матреша, постели, у нас сегодня почует гость.

И с тех пор он стал нашей квартирой частенько пользоваться для ночлега и работы.

Книг у нас было очень много и в кабинете и на полках вдоль стен. Читал он их, сидя подолом на диване или у стола.

Один раз дал он мне пакет, нарисовал на бумаге план и говорит:

— Пойдете по Фонтанке, поверните за угол, пойдете вот по этому двору; потом по лестнице, там будет такая-то дверь, постучитесь и скажите, кому написано. А если того нет, принесите обратно.

Все это я точно помню, как он сидел за столом и рисовал мне карандашом.

— Только, — говорит, — ни у кого не спрашивайте, по этому рисунку легко дорогу найдете.

И тогда не знала, в чем тут дело, но чувствовала, — посылают меня с тайным пакетом.

Я очень глубоко спрятала пакет за платком на груди, а чертёж и адрес держала в руке. Елена Николаевна сказала мне потом, что это я в подпольный типографический отдел его статьи.

Но вскоре наш гость заметил, что путь его прослежен, и перестал посещать нашу квартиру.

Полиция, видно, об этом не знала. Как-то утром, в пять часов, раздался звонок в квартиру. Не успев одеться, я вышла, завернувшись в одеяло и не спросивши кто, — открыла дверь и закрыла, как безумная.

— Караул! Полиция! Полиция идет!

А околоточный с длинной бородой схватил меня, рукой зажал мне рот и зашвырял:

— Шельма! Я тебя на каторгу пошлю!

А я как вырвусь, опять давай кричать. Пятидесят фаранов в черных шинелях с петлицами как рванулись в спальню. Как закричал:

— Вставай! Руки по швам! Ни с места!

Мой хозяин спокойно встал у стенки в одном белье ночью. А я дрожу, как осенний источник. Глянула на хозяйку и обомлела. Жует он что-то. Немало удивилась: «Наше время жевать конфеты».

Жандармы бросились под кровать и начали искать. Не нашли ничего. Обозлились. Закричали:

— Давно служанка эта живет у вас? Елена Николаевна сказала:

— Два года.

— Арестовать ее.

Взяли меня под кофтой и повели в полицию.

А хозяйка моя прибежала в полицейский участок и, увидя, что я стою за оградой, бросилась как бы на меня:

— Ты почему тут? Или, пожалуйста, домой. По обыску меня звали, а не тебя! Сию минуту уходи! Я за тебя отвечаю перед твоей матерью. Тебе пятидесят лет.

И обратилась к приставу:

— Вы по какому праву девочку могли сюда привести? На чье имя был обыск, на мое? Вы должны были со мной говорить, а не с нею. Нельзя пугать детей. Сию минуту, — говорю, — Матреша, убирайся, чтобы и духу твоего здесь не было.

И я, поняв ее, убежала домой. Любопытства ради я потом спрашивала хозяйку:

— Дмитрий Ильич, что вы ели во время обыска?

Он говорит:

— Не спрашивай, Матреша. Три дня рвало меня после этой еды. Все же они, лопухи, не догадались, что я ем. Хотя изнутри они все равно бы не могли у меня вынуть.

И на бумажках с'ед, где были записаны адреса, которые могли бы полицию привести к нашему гостю.

Это искали его. Это искали Ленина. Начиналось опасное время. Партия большевиков уходила в глубокие подполье. Двести, говорят, обысков произвели в одну эту ночь.

Замислил со слов М. Гавриловой (Ленинград).

П Е С Н Я

Эффенди КАПИЕВ

Судейман откинулся назад и, протянув руку, достает со стола, попаренного потолок дерева, чунгур. Чунгур этот из вышнего дерева и цветом своим напоминает смуглый цвет руки Судеймана. Судейман привычным жестом заворачивает его в свои объятия. На длинном, пряжом грифе раскачиваются треугольные старинные амулеты. Кожи чунгура легки и круги, как птичье гнездо...

Судейман поднимает чунгур на уровень груди и, как бы заглядывая ему в лицо, настороженно хмурит брови. Потом он задумывается и долго молча смотрит мимо меня...

Вот он пробует струны... Глаза его постепенно наливаются грустью. Перед ним на стене висит портрет Ленина и Сталина, — тот, где они сняты вместе. Ленин сидит в кресле, сложив руки и как бы приговаривая слушать Судеймана, о котором только что был у них разговор со Сталиным. Ленин и Сталин сидят в окружении зелени, быть может в саду, и с азотом, полный птиц и солнца, окружает саблю Судеймана...

Вот он пробует струны, и струны дрожат в ожилках его песни. Но прежде чем начать петь, Судейман подбирает моты, настраиваясь в лад своим мыслям...

Странной обволакивающей душой и застарелой душой веет от его импровизации. Струны звучат то мочуе, пробуждая в груди отчаяние и светлую гордость, то гуще, и тогда они томят колеблющейся, ропной печалью, в которой тоист все пережитое. Сакля наполняется бесконечной, кружащейся стелой птиц. Птицы салются мне на плече, всапливают и вновь кружатся, мелкая в воздухе. Они раскачиваются, сита на воздухе свисающей с потолка лампы, и смотрят отсюда вниз блестящими бусинками глаз. Очерневшие из незеленых. Птицы тревожно щебечут и, подвластные руке Судеймана, танцуют к нему из жарких стран сызоб бури и липни... Он воет.

Нет, я не запомнил слов той песни, по смыслу ее я записал тогда же очень кратко, как смог.

О, люди! Жил был один старик со своей старухой у самого синего моря. Он был бедняком, он был последним батраком в агае и жил в самом низу, у лорони, как под ступеньками живет пес.

Нет, нет — старик этот не был поэтом! Из далеких стран идет песня. В ее крови должна течь чистая юность, иначе она падает наземь, не смеясь двух шагов. Старик был стар смолоду, а на склоне лет и совсем одряхлел. И то правда: вместо светлых дней, которые освещали бы старческую память, как луна, молодость оставила ему сто сорок обид, и обиды эти, давно перекипев, лежали теперь на его сердце, затвердев, как камень. Он не ропсовал, по томии. Черный камень тянул тело к земле: он был тяжел и лежал в сердце плотно...

О, люди, старик этот не был поэтом! Согнувшись вчетверо нуждой и скорбью, вечно ищущий правды и не выходящий ее вокруг, слабый и многого не понимающий в этом темном мире, — старик был просто сто сорок черным бедняком в своем агуе. «Хлеб, хлеб, хлеб», — говоривший язык не может петь! И вот отдавала стариком та самая холодная и черствая тоска, что прешествует смерти...

Темный мир стал светлеть. Обнятый утром старик встал в удивлении своей жизни. Старуха его была одета в кашемир, а не базь. Сыновья ходили в шапках из белого курпе. На погах его были мягкие, новые сапоги вместо рыхлых, пахнущих сеном чарыков.

«Что случилось?» — сказала старик про себя. Дом, двор, сад — все стояло лицом к нему, говоря: «Доброе утро!» Прежде высокий, замкнутый от мира агу, теперь как бутро разросся ширь, и сакля старика вдруг очутилась в центре. Как же

Отрывок из новеллы «Времена года».

Почему он, живя на окраине, чувствует себя хозяином всего, первым человеком? Почему доступно и то и это, и встречаешь люди рады говорить, рады встречаться?

— Скорей, скорей, старуха, дай мне волю!

Почему на сердце нет камня?.. Камня, который всю жизнь скоплял его порошки? Нет его и в том месте, где он лежал, как в колодезь лежит теперь в сердце крохотная безызыкая радость. И с каждым ударом сердца раскачивается колодезь. Дитя растет!..

Старик подумал о той сказке, где рыбаки поймали индостанскую золотую рыбку, и оглядился. Но он не был рыбаком. Кроме того, вместе с ним богатили и его друзья, вечные батраки, в каком море, в какой сказке найдешь ты, юноша, столько золотых рыбок?..

Старик смотрел старухе кушину с водой: была живь, не было сна! Он оделся и, взяв посох, вышел из дома осторожными, тихими шагами. Он вошел в сад, и сад стоял вокруг него в розовом яловом цветущем шевуе. Цвет этот ложился на дорогу, на ограду, на подоконники сакли, как заря, и старик впервые увидел тогда весну с глазу на глаз.

Розовый дым вставал с деревьев и шлел мимо него.

Старик смотрел, прищурив, на солнце. Пели птицы, где-то внизу, в овраге, журчал ручеек, и промолочные листья падали землей, разбуженной шумами весны...

Все было, как всегда. Но почему теперь мир внезапно обрел смысл? Почему так хороши и полны солнца влажные ветви деревьев? Почему красив туман? Даже горы, которые он видел с детства каждый день и не замечал в них ничего?..

Старик протер глаза. Тогда он вспомнил «Ленин-Сталин» (это было одно имя!) — и он пронизал его раньше, чем вспомнил. Оно возникло в его сердце само собой. Это было первое слово, которое произнесло дитя еще в колодезь, и старик приволожил лапозь к своей груди.

Словно не упало наземь. Его подхватило все живое, и, уже произнесенное, оно

росло, наполняя собой весь мир. Оно пело в пичище шеве, пыло вместе с димом зарю, его уносил ручей, и в сверканьи своем отражал его, равный солнцу, блеск...

Старик вспоминал тогда, что это имя всегда присутствовало в его лучших думках. Когда это было? Это было смолоду!..

Из далеких стран откликнулась ему теперь молодость, и старик стоял, держа руку на груди, слушая знол возвращающихся к нему из-за тридцати земель его сил. Они шли, несая с собой мочуе слова для песни, и здесь старик впервые почувствовал себя поэтом...

То ли это был приноксе айвы, данной ему в детстве матерью откусить из своих рук. (Мачеха была зла; бедная мать — она вылезла с ним украдкой!). Почему вдруг ясно представало лицо матери!.. Это маленькое счастье случайной встречи с единственным родным человеком на всей земле, — почему оно вспоминалось вдруг старику, и старик ощутил в губах приноксе айвы?..

Может быть, то дерево, на котором росло счастье его детства, питалось корнями из этого ручья?.. Ручей был мал. Он нес в себе одинокое, крохотное счастье из глубин прошлого и вывалал в широкое будущущее море счастья сегодняшнего дня...

Сал был на склоне. Старик стоял, глядя перед собой на ручей, наклонив голову и закусив губы, чтобы сдержать слезы...

И много, много вспоминал тогда старик. Шестидесять лет жил он на свете. Вся его жизнь, предельная перед ним, и каждый из шестидесяти годов давал душе, что было в нем для песни о Ленине — Сталине. То были поля, пахотые колосом, и раздвиги рек, и высокие горы. То были поляны друзей, и думы народа, и все, все, что было достойно песни, — испитанного, вышного и слышанного стариком за шестидесять лет...

Старик бродил по саду...

Он стоял, разглядывая прошлое, как разглядывают осенью зерна, держа их на ладони и пошевеливая большим пальцем. Он смел у ручья, вдыхая запахи весны и ощущал, как вместе с песней волеет его кровь...

Так во вечера... Так он стал поэтом. — Зравствуйте, гора, озаренная закатом, и сакля пол горой!

— Зравствуйте, солнце! — Зравствуйте, золотые, жужжащие пчелы моей страны!..

У МАВЗОЛЕЯ

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Красная площадь! Ты так близка мне. Здесь ели встали сторожевые.

Здесь, у подножья седого камня стоят суровые часовые.

Благоговейно, в молчаньи строгом, медленно я прохожу пред ними.

И так же медленно, слог за слогом, произношу дорогое имя.

Ленин... Шумит ли над миром вьюга, бредет ли яростный пламень лета, — земля, где тело вождя и друга, всегда любовью людской согрета.

Все ближе и все бесмертней Ленин. Чем дальше во времени — тем теплее в минуты раздумий и размышлений стоять человеку у мавзолея.

БЕССМЕРТИЕ

Касют Кочкаров

Когда наш любимый Ильич умирал, он Сталину дело свое завещал.

И клятву железную Сталин давал, что выполнит дело святое.

Что партии силу и честь сохранит, что землю родную от псов защитит.

Он клятву сдержал — наше счастье горит, как солнце горит золотое.

Шестнадцать победных достойнейших лет. Прошло, как великого Ленина нет, но ленинских мыслей немеркнувший свет. Наш радостный путь озаряет.

Ленин — наш священный горный орел. Сталин — наш священный горный орел, народ с ними к счастью дороге нашен, Висок их полет легкокрылый.

В далеких горах столетний Касют. Сегодня богато и волюю живет, он новые песни о счастье поет.

И слышит орлиную силу.

Чтят Ленина в юной свободной стране, знамена склонялись к нему в тишине. Пусть спит он спокойно в своем кешене,

Бессмертню славою овая.

Кремлевские звезды сияют над ним, мы памятник этот навеки сохраним, в алмазы и жемчуг его нарядим, оденем любовью своею.

Перевод с марчевенного Ю. ФИЛОМОВИЧ.

Был сказочной мудростью Ленин богат, был сказочной батырской Ленин богат, для всех угнетенных чудеснейший клад.

Добыл он в сраженьи суровом.

И старого ворона знал он язык, и быстрого стрелы знал он язык, в сердца бедняков он глубоко проник.

Правдивым и ласковым словом.

Бежали от Ленина баи, князья, друзь! послушайте песню Касюта, друзья! О Ленине зноная песня моя.

Пусть ясной зарей расцветает.

Кешене — могильный склеп.

Л. ФОТИЕВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬИЧЕ

В своей речи на траурном заседании на 2-м сезде Советов 26 января 1924 г. Елена Петровна сказала о Ленине: «Он был велик также в своей простоте, в правдивости своего своего существа, в своей необычайной скромности. Он был велик своей любовью ко всем малым, своим глубоким, всегда готовым на помощь, сочувствием всякому страдающему».

Эти слова исключительно метко и глубоко выражают сущность духовного облика В. И. Ленина как человека. Именно глубокой правдивостью, честностью и скромностью, в высоком, коммунистическом смысле этих слов, пронизано все существо Ленина. Это выражалось в его неумении ко всему показному, ко всякой фальши, в его простоте и естественности, в презрении к трескучим фразам, к позерству, к роскоши и излишествам.

Я знала В. И. Ленина в эмиграции. Я помню скромную квартиру в 2 комнаты с кухней на Rue de Davide в Женеве (на Давидке, как называли мы эту улицу). Владимир Ильич жил там с Надеждой Константиновной и ее матерью Елизаветой Васильевной.

Я помню весь чрезвычайно скромный бытовой уклад их жизни. Обедали, завтракали и пили вечерний чай в кухне. Елизавета Васильевна готовила и убирала комнаты. Надежда Константиновна помогала ей. Я знала также скромную квартиру Лениных в Кремле и весь бытковой уклад их жизни — чуть комфортабельнее, чем в эмиграции. Ничего лишнего, лишь самое необходимое для обеспечения трудовой жизни семьи. Ленин, став председателем Совпарка, остался тем же, каким был в эмиграции. Во всех условиях жизни оставался он верен себе.

Я помню такой случай: В кабинете Владимира Ильича по

письменным столом в погах лежал войлок, положенный туда по его просьбе, так как у него мерзали ноги. Однажды удалось достать шкуру белого медведя, и войлок убрали, заменив его медвежьей шкурой.

Владимир Ильич сильно разгневил меня за эту «реформу», сказав, что я позволяю себе непомерную роскошь, что это ни к чему не нужно.

Много можно было бы привести примеров проявления исключительной скромности Владимира Ильича.

Глубокая честность и скромность показывали Владимир Ильичу, например, ответы на вопросы анкеты, которые составляются с таким интересом и каким-то восхищенным удивлением.

В анкете «делегата X съезда РКП(б) в марте 1921 г. на вопрос «какие другие (кроме русского) языки знаете и насколько хорошо», В. И. Ленин отвечает: «Английский, немецкий, французский языки: итальянский очень плохо». Между тем известно, что Ленин изучал иностранные языки с юных лет, свободно владел ими и даже выступал на иностранных языках (напр. на немецком, на IV конгрессе Коминтерна). На вопрос той же анкеты об основном занятии до 1917 г. Ленин, оставаясь партией большевиков и всеми признавший ее руководителем, отвечает: «Литератор». В анкете для переписки членов московской организации РКП(б) в сентябре 1920 г. (экспонируется в Музее Ленина) на вопрос, «в чем выражалось Ваше участие в февральской революции», Ленин отвечает: «Кроме общепартийной работы ни в чем (в эмиграции)».

Владимир Ильич еще в ранней юности превосходно знал важнейшие труды Маркса и Энгельса и в течение всей своей жизни не переставал изучать их.

Несмотря на исключительное знание марксистской литературы, в упомянутой выше анкете для переписки членов московской организации РКП(б) на вопрос, «что прочитано Вами из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского и Плеханова», Ильич, подчеркивая все фамилии, кроме своей, пишет: «Почти все» (подчеркнутых авторов). Помню, что один из сотрудников Управления делами на аналогичный вопрос ответил безоговорочно «есть».

На вопрос той же анкеты, «пишете ли статьи в газетах и на какие темы», Владимир Ильич отвечает: «Редко, на политическая» темы».

Свое большое, бесконечно доброе сердце, весь свой гениальный мозг отдавал Ленин неустанной заботе о счастье трудящихся масс. Трудящиеся отвечали ему такой же нежной заботой.

В начале 1919 г. на приеме у Владимира Ильича был крестьянин Иванов. Владимир Ильич любил умеренную температуру в комнате, но его распоряжениями были сделаны, чтобы температура в кабинете была 14° только. Если рубашки немылись — открывали трубу! Ипанов во время беседы с Владимиром Ильичем продрог. Вернувшись домой, он делал доклад на волостном исполкоме; Иванов сказал, что Ленин, одобряя политику их исполкома, шлет привет и сердечное спасибо. В то же время Иванов указал, что Ленин работает в милой отопленной квартире. Волостной Милоковский исполком, Судогольского уезда, Владимирской губернии, в феврале 1919 г. постановил: «Послать Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае необходимости, поставить железную печь руками своего кузнеца».

Это решение крестьян свидетельствует о их глубоком доверии Ленину и о нежной заботе о нем как о своем родном.

О такой же нежной заботе говорят приветствие рабочих Клишиновской суконной фабрики, посланное Ленину к пятой годовщине революции.

В этом приветствии они пишут, что решили назвать свою фабрику именем Ленина. «По этому случаю мы посылаем тебе и твоим близким сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки.

Ленин и актуальные проблемы художественного творчества

Иоганн АЛБТМАН

В шестнадцатую годовщину со дня смерти Ленина мы, писатели страны Советов, еще и еще раз обязаны подумать о тех великих принципах социалистического творчества, которым учил нас Ленин. Только на этих идеях может базироваться искусство социализма.

Ленинская литературная теория, непосредственно связанная со всей теорией ленинизма, дает не только возможность правильно анализировать и оценивать литературу прошлого (мировую и русскую), но и создать марксо-ленинскую историю литературы, но (что особенно важно подчеркнуть) дает чрезвычайно много для художников социализма, уча их принципам творчества.

Каковы основные ленинские принципы, которые должны быть положены в основу социалистической эстетики? Насколько возможны краткие размеры этой статьи, их можно сформулировать следующим образом:

Без ленинской теории отражения нет и не может быть социалистической эстетики. Без ленинской теории отражения нет теории познания марксизма-ленинизма.

«Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира, — учит нас Ленин, — и понятие само собою, что... отображаемое существует независимо от отображающего» (том XIII, стр. 56).

Объективный мир существует независимо от художника. Все ощущения, мысли и представления художника порождены этим внешним миром. Тому или иному художнику-идеалисту может казаться, что это он «конструирует», создает свой мир. Это его «литературное» дело, мир от этого не перестает быть тем, чем он является на самом деле. Задача истинного художника состоит в том, чтобы с максимальной объективностью, правдивостью отобразить в своих произведениях мир, действительность, как они есть на самом деле. Буржуазная философия знает не мало «эстетик», чьим фундаментом является теория интуитивизма (например, «эстетика» Бергсона). Эта теория отрицает объективность нашего познания, объективность создаваемых человеком картин жизни.

Известно, что махисты разделяли эту теорию и что Ленин гениально раскрыл ложность ее в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм».

Искусство — одно из могучих орудий познания объективной действительности специфическими, художественными (образными) средствами. «Познание», — писал Ленин, — есть отражение человеком природы, «соединение мысли с объектом».

Раз так, то художник должен стремиться к наиболее полному совпадению его художественного образа (системы образов, произведений в целом) с объектом, с той действительностью, с той жизнью, которая изображается.

Откуда берется критерий истинности? На самой жизни, из практики черпается уверенность в том, что изображенное — верно.

Отсюда — важнейшее требование Ленина: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога все возможные измышления профессорской «социологии»» (том XIII, стр. 116).

Связь художника с практикой значительно шире, чем то предполагают разные вульгаризаторы, идущие то ли от слепой эмпирии, то ли от т. н. «чистой теории».

Теория познания марксизма-ленинизма — это материалистическая диалектика. «Диалектический материализм есть мировоззрение марксистско-ленинской партии» (И. Сталин). Наша теория познания требует от художника (и исследователя-эстетика) глубочайшего проникновения в жизнь, изучения всех противоречий, умения находить связь между частным и общим, умение найти наиболее характерное, присущее данному явлению, наиболее характерное для данного народа, наиболее характерное для обрисовки движения мира вперед, для обрисовки борьбы молодого, нарождающегося, со старым, отживающим. Именно на этом проверяется и талантливость, и честность, и идейность художника. «В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов». («Философские тетради» стр. 263).

Ленин учит нас объективно, истинно изображать мир (исследовать) действительности, связи с практикой и проверке познания практикой; он учит нас не просто «фотографировать» статическому изображению действительности, а, как сформулировал товарищ Сталин, изображать мир «в порядке раскрытия противоречий».

Только этот путь учит писателя не изображать мир пассивно, «добро и зло вынимая разрозненно», а активно изображать его, вскрывая все противоречия, рисуя все радости и трудности социалистического роста и неизбежность победы нового (коммунизма) над старым (капиталистическим миром).

Уже в этом, уже в самой теории познания марксизма-ленинизма заключен партийный подход к вопросу. Партийность лежит не вне, а в самой теории познания марксизма-ленинизма, большевистская партийность не только не мешает объективному познанию и изображению мира, а, наоборот, в высшей степени способствует им. «Последняя философия, — пишет Ленин, — так же партийная, как и две тысячи лет тому назад» (том XIII, стр. 292). Буржуазная «партийность» неизбежно искажает действительность, рисует шевельвый, искаженный образ мира. «Философия» империалистической буржуазии не может себе позволить и крупный истинный, так как истина против капитализма, так как объективно движение мира идет в социализму. Эта «философия» заинтересована в фальсификации жизни. Большевистская философия, наоборот, заинтересована в полном раскрытии правды жизни. В этом же заинтересовано искусство социализма. Наши искусство, эстетика в высшей степени объективны и поэтому должны быть глубоко проникнуты духом большевистской партийности.

Без большевистской партийности нет и не может быть социалистической эстетики. Какие замечательные слова произнес Ленин о литературе социализма 35 лет назад! Ленин, разоблачавший лицемерно и фальшь «не классовых» литературы и

искусства», лицемерно свободных, а на деле связанных с буржуазией, провозгласил «действительно-свободную, открытую связь с пролетариатом литературы».

«Это будет свободная литература, — писал Ленин, — потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут перебивать новые и новые силы в ее ряды».

Наше, социалистическое искусство — истинно пролетарское искусство по происхождению, по идеям, по традициям. Оно впитало в себя все лучшее из прошлой культуры человечества, но оно выросло на принципиально новой почве, воспиталось на принципиально отличных от прошлых искусств идеях. Социалистическая убежденность нашего искусства кроется в объективной действительности. В ней же, в этой действительности, — источник партийности (т. е. истинно человеческого, гуманистического, социалистического содержания) нашего искусства. Отсюда идет ленинская концепция подлинного художественного реализма.

Без ленинского понимания реализма не может быть эстетического социализма.

Ленин всю жизнь, начиная с своей ранней работы «Что такое друзья народа», боролся против многочисленных враждебных нам теорий субъективизма и объективизма. Ленин разгромил сторонников с их теорией «субъективной социологии» и культ «сильной», «критически мыслящей личности» (описки из взглядов буржуазных философов-социологов, начиная от Карлейля и Спенсера и кончая Ницше). Ленин разгромил объективистов, чьим идеалом была теория «самотекса» и стихийности, теория хвостизма, теория, всецело отдававшая пролетариат в руки буржуазии, как это — с другого конца — делала «субъективно-социологическая школа».

Реализм Ленина не только в его философии, в его теории познания. Реализм Ленина в той большевистской партийности, без которой немисима была борьба против субъективизма и объективизма — струвищцев. Реализм Ленина немисим без того историзма, который так характерен для марксизма. Реализм Ленина, наконец, немисим без той перспективности, без того взгляда в будущее, который всегда являлся и будет являться существенным, важнейшим элементом нашей философии.

Борьба за реализм в искусстве неразрывно связана с борьбой за человека. От способов изображения человеческие отношения, человеческие характеры зависят направление искусства. Человек, человеческий характер, человеческие мысли — центр искусства. Искусство, так же, как и наука, дает представление об общем, помогая познать это «общее» через конкретные, чувственные образы. Но искусство так же, как и наша наука, имеет целью не только познание, но и революционную переделку мира.

Среди наших литераторов есть, к сожалению, немало людей, которые ограничивают роль искусства первой половиной формулы («познание»), третируя вторую, как «спрессованную практику».

Умение выделять основное, характерное, умение распознать главнейшие жизненные противоречия, видеть, каким образом надо действовать согласно интересам трудящихся, в высшей степени свойственно вождям коммунизма. Этому должен научиться и художник социализма.

Художник социализма должен учиться у Ленина этому умению «замечательно соединить» полную объективность изображения мира с изображением революционной воли и энергии масс, преобразующих мир. Роль личности в искусстве: а) как создателя этого искусства, б) как объекта изображения, в) как цели — кому служит искусство — Ленин ставил высоко. Без этого ленинского понимания высоких целей искусства не может быть у художника социализма полной яркой картины современности.

Вполне понятно поэтому, как для художника социализма важно постигнуть отношение к прошлому и к будущему.

Без подлинного исторического чутья (и знания прошлого), без чувства нового и умения заглядывать в будущее не может быть искусства и эстетического социализма. Марксизм-ленинизм придает важное значение роли идей в жизни общества. Самое искусство является могучим идейным фактором борьбы. «Что касается значения общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их роли в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества». (И. Сталин).

Как указал товарищ Сталин, есть отжившие идеи и теории, значение которых состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед, и бывают переживаемыми идеями, теориями, значенье которых состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед.

С этих позиций мы подходим и к явлениям искусства. Известно, как Ленин бережно относился к классическому наследию. Известно, далее, что Ленин неоднократно и настойчиво подчеркивал необходимость «критического усвоения» классического наследия. Но величайшим оплошанием ленинизма было бы «отгулять» пойти ко всем великим художникам прошлого, безответственно к идеиному содержанию их творчества. Приведем несколько примеров.

Известно, что Чернышевский-художник не только настойчиво разяслял вред и гнусность крепостного права, но потратил также много труда на разработку помещиков. Особенно ярко это отразилось в «Прологе». Вот почему Ленин, несколько раз цитируя слова Волгина, подчеркивает гениальность Чернышевского, понимая, что «уже тогда в русском искусстве» и «государстве» парили и прапалли общественные классы, беспорочно враждебные трудящемуся и безусловно пролетарские развитие и акцептирую крестьянства» (т. I, стр. 184).

Ленин приветствовал «музыкальный демократизм» Чернышевского и Добролюбова. Как далеко это пониманию Чернышевского от узкого, неоправданно отвергнутого мнения, будто широкую идею социалистического товарищества Чернышевский ста-

рается уложить в более узкие рамки «музыкального демократизма»...

«Музыкальный демократизм» Чернышевского был самой передовой идеей его времени в России.

Ленин высоко ценил в Бетинском, Чернышевском, Добролюбова, Некрасова и Щедрина их высокую сознательность, идейность, единство политической и художественной практики, их демократизм, народность.

За эти же качества высоко ценили Лесинга и Дирю Маркс и Энгельс.

Критикуя Толстого, Ленин неоднократно подчеркивает, что несправильная теория, реакционная концепция мешали художнику Толстому, что последний вопреки этой теории, будучи глубоко честным и гениальным художником, правильно изобразил ряд картин русской жизни, был в известном смысле «зеркалом русской революции», выразителем крестьянских интересов.

Цитатой Ленина был художник, сочетающий переделку мировоззрения и художнический талант. За это, в частности, основоположник марксизма ценил Гейне. Известно, что стихотворения Пушкина, посвященные декабристам, так же, как и революционно-романтическая поэзия Лермонтова, так же художественны, как гражданственны и народны.

Итак, из наследия прошлого Ленин учил отбирать наиболее передовые, революционные (в широком смысле слова), динувшие человечество вперед.

Изучение прошлого Ленин связывал с будущим. В Горьком Ленин увидел тип нового художника, художника рабочего класса, социализма, всего трудящегося человечества. В Горьком Ленин видел то революционно-романтическое устремление художника в будущее, без которого нет истинного реализма. Революционно понимая реализм, Ленин не отгелял реализм от революционной романтики, заглядывающей в будущее, воспевающей чувство нового.

Наконец, из изложенного мы можем понять ленинскую постановку народности искусства.

Известно, что в различных враждебных нам «теориях» (начиная с теорий пролетариатов и кончая враждебными контрреволюционными меньшевистскими «концепциями искусства») была попытка культивировать взгляд на художника, как на узкое, пехотное представление «классов», «группы», «сослодий» и т. д., обрывать, в сущности, социалистическое общество, искажая облик великих художников. Известно также, что далее констатации «классовости» принадлежностей штекера эти «теоретики» не шли; непонятно, таким образом, зачем работать с художниками из пролетарского класса, если они чужды нашему времени.

Ленинизм требует творческого отношения к жизни и искусству, к гениальным представителям искусства. Однако некоторые литераторы склонны задним числом объявлять всех великих писателей прошлого одинаково народными, одинаково гуманистическими, и всех готовы зачислить в наш «архив предшественников», независимо от идейного содержания творчества того или иного художника. Как мы могли заметить, такой подход к представителям искусства не ленинский. Этот подход объективистский, «напидкасовый», и вытекает он из того совершенно неправильного представления о художнике, что, мол, его дело «творить», «изображать». Художник в этом случае превращается в безжалостное зеркало, дающее холодное, безразличное изображение всего того, что происходит перед ним, а ухо художника становится пассивной мембраной, улавливающей все звуки, а язык художника — фонографом, механически переписывающим все услышанное.

Как мы видели, метод ленинского реализма требует обратного: активного вмешательства в жизнь, активного отбора факторов, группировки и отбора их в целях воссоздания истинной художественной картины мира. Искусство, — говорил Ленин, — должно объединять чувство, мысли, волю масс, подымать их.

Объединять чувство, мысль и волю масс! Вот о каких задачах народного искусства говорил Ленин. Если не это его триединого элемента — нет народного искусства.

Надо уметь найти в каждом художнике его особенное, то, что именно его делает великим, дорогим нашему сердцу, пульсом социалистического человечества. Мало сказать: «гражданский поэт»; была гражданственностью буржуазная, мелкобуржуазная, есть гражданственностью социалистическая. Мало сказать: черты народности в художнике. — важно уловить прогрессивные черты творчества художника в определенную эпоху, на определенном историческом этапе борьбы его народа. Важно найти ответ на следующий вопрос: какими средствами и насколько успешно данный художник служил прогрессивным идеям народа, эпохи, и следовательно и человечества. Ибо всякий гениальный художник, представляя наиболее прогрессивные черты и тенденции своего народа, становится художником человечества. Ленин учит нас уметь уловить черты народности художника в прогрессивных его идеях (в творчестве и мировоззрении).

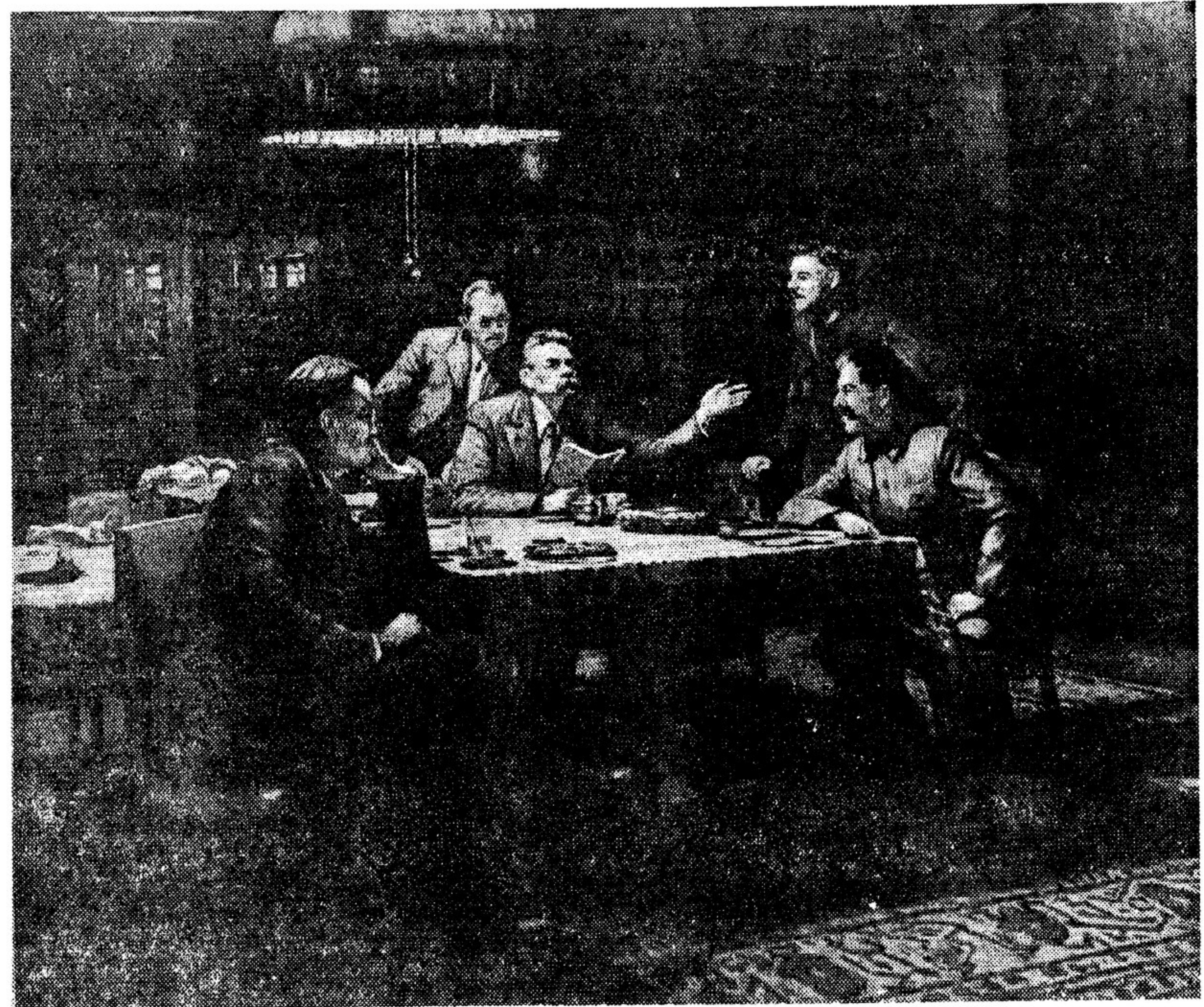
Вот почему великих художников России, истинных граждан и патриотов, болевших за свой бесправный народ, Ленин считал выдающимися художниками всего человечества.

Вот почему он никогда не устал подчеркивать необходимость единства творчества и практики, единства теории и практики социализма.

Вот почему Ленин требовал от советского искусства интензивного служения народу, презирая всякое рафинированное, декадентское искусство для «небольшого меньшинства» («слабые уточненные бюквиты»), резко критикуя таких буржуазных писателей, как, скажем, Л'Ануинью, и заблуждая подмечая в советском искусстве ростки нового.

Борьба за высокое, идейное, социалистическое искусство, искусство, проникнутое идеями советского патриотизма и интернациональной солидарности, борьба за единство теории и практики советского искусства, за художественные произведения, создающие правдивый, влетающий образ нового мира, должна стать знаменем нашего творчества.

Этому учит нас Ленин.

Для открывшейся на днях в Государственном Литературном музее выставки «Сталин в художественной литературе» художник А. Н. Яр-Кравченко представил новую картину «М. Горький читает товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть» (1931 г.). На снимке: картина Яро-Кравченко. (Рядом с М. Горьким стоит его сын М. А. Пешков).

СВЕТИСТИНЫ

Сесар М. АРКОНАДА

Человек, впервые посетивший Музей Ленина, испытывает потрясение, точно он вступил в непосредственное, личное общение с гением, которому этот музей посвящен. И в известной мере так оно и есть на самом деле, ибо, приля в музей, мы встречаемся там с живым Лениным. Ибо, в отличие от иных музеев, посвященных историческим личностям, Ленин живет в своем музее не в узком кругу чужих личной биографии и мелких житейских фактов, некошущих праздно воображение революцию любознательной толпы. Нет, он живет там как Ленин, во всем бесстрашном величии своего гения, как революционер и государственный деятель, как беспрестанно цепляющийся человек, который ничего не берет себе, а все отдает другим. Ничего для себя, все — для других, для своего народа, для всех народов, для всего человечества!

Каждый из нас, переступая порог музея, ощущает себя бесконечно малой частью человечества. Но это не чувство бедности, спешащего поблагодарить за оказанную ему милость. Это — состояние человека, который хочет победовать с учением, вытатить часть его мудрости, почувствовать себя его безмыслием, но верным учеником. Постепенно, переходя из зала в зал, мы начинаем замечать, что в музее постоянно присутствует еще кто-то, чей облик не всегда даже уловим. Кто-то все время смотрит на Ленина, кто-то все время слушает его, покоренный его могучей личностью, неизменно готовый следовать за ним, выполнять его указания. Этот «кто-то» — народ, человек с ружьем, моряк из Кронштадта, крестьянин, рабочий, быть может, даже горьковский бродяга. Зависит охватывает нас, зависит к этому безвестному человеку из народа, на долю которого выпало съездить стоять с ружьем на плече перед Лениным, заглядывать в его всевидящие глаза, слышать его ясную речь.

Так, слышав с этим неизвестным человеком, мы приближаемся к Ленину. Ленин не знает одиночества. Вокруг него никогда не бывает пустоты. Всегда и всюду следует за ним как вечный и любимый спутник — народ. Ленин, это — всегда Ленин плес народ. Потому-то Музей Ленина есть вместе с тем музей народа. И потому-то ежедневно заполняют залы музея народ, так неузнаваемо изменившийся за двадцать лет и вместе с тем — бессмертный народ.

В мире нет другого музея, столь же насыщенного жизнью, как Музей Ленина. Ибо в нем представлена великая и благородная жизнь гениального революционера, отдавшего все делу освобождения своего народа и народов всего мира. Ибо в нем раскрывается нашим глазам революционная биография ненормального народа, который стал под руководством Ленина и Сталина хозяином собственной судьбы и поднялся к сияющим вершинам социальной и политической свободы. Ибо в нем представлена в образах и документах история большевистской партии, руководящего аппарата социалистической революции. Ибо Музей Ленина является своеобразной академией, куда каждый революционер приходит не только за тем, чтобы еще больше закалил свою волю к борьбе, но и за наглядными уроками практического революционного действия. Ибо, наконец, сюда стекаются ежедневно народные массы, чтобы еще лучше и глубже познать и ход мировых событий и себя, чтобы снова и снова омутив величие своей победы, чтобы еще и еще раз полкаться — под руководством Сталина довести до победного конца дело, начатое при жизни Ленина.

Вот почему, повторяю, нет в мире другого музея, столь же насыщенного жизнью, столь же значительного и прекрасного, столь же богатого содержанием, как Музей Ленина.

По этому грандиозный синтез был бы неполон, если бы не объяснил отношения к Ленину в лагере врагов революции, в лагере буржуазии. Мне неоднократно приходилось слышать и читать, как идеологи буржуазии напалали на Ленина и Сталина, на их мысль, на их дело. И если эти роспода большей частью довольно откровенно выражают свою ненависть к великим вождям пролетариата, то о своем ужасе перед ними они по мере возможности, хотя и не очень успешно, стараются умалчивать. Это — слишком невыгодное признание, признание собственной слабости и обреченности. Между тем, именно страх и ненависть лежали и лежат в основе от-

ношения буржуазии к Ленину и Сталину. Тотнее даже — ненависть, продиктованная страхом.

Одно лишь имя Ленина заставляет буржуазию трепетать. Ленин и революция для нее синонимы, и в этом она совершенно права. Ленин выковал оружие, которым были нанесены такие непоправимые удары ее мировому владычеству еще в период первой империалистической войны. С тех пор прошло почти четверть века, буржуазия начала вторую империалистическую войну, но ленинское оружие не иритурилось и не заржавело. Сталин полвека его дальнейшему усовершенствованию, сфера практического его применения бесконечно расширилась, и теперь оно разит еще страшнее и смертоноснее.

Великий и кровавый опыт последнего двадцатилетия многому научил народы, массы капиталистических стран, они увидели буржуазное общество во всей его отвратительной наготы, а с другой стороны, — это самое государство! — народы бывшей Российской империи совершили под руководством Ленина и Сталина победоносную социалистическую революцию и воочию доказали всему миру возможность, необходимость, неизбежность нового общественного порядка, в котором начисто ликвидированы всякая эксплуатация и угнетение человека человеком. Мудрено ли, что эксплуататорские классы капиталистических стран восприняли все эти исторические приемы как смертельную угрозу своему господству? Мудрено ли, что с самого же начала они объявили Ленину и его делу борьбу не на жизнь, а на смерть?

Буржуазия ведь и ведет эту борьбу всеми доступными ей средствами, начиная с кровавой интервенции и кончая такой обработкой общественного мнения в «общественных» страхах, которая имеет целью скрыть от народов правду о советской стране, о молодом пролетарском государстве, победившем на пространстве одной шестой части земной суши. Мне очень хорошо памятен первый период этой идеологической войны. Парламентские ораторы буржуазии, бозы И интернационала, пролачные перья жалкой прессы изображали нам советскую страну в виде чудовищного хаоса, где разнузаны все первобытные инстинкты, где бушуют ураганы смерти и разрушения, где люди бьются и воют, как голодные волки.

Все это было, конечно, не ново. Но все времена господствующие классы лускали в ход примерно те же «аргументы» против непокорных и восставших народов. Но разница состояла в том, что к услугам империалистической буржуазии был такой грандиозный аппарат массового обмана, какого не знали реакционные классы прошлого. Заговор молчания; клевета откровенная и наглая; клевета и ложь замаскированные, т. е. обмеленные в форму якобы объективной информации. — все было учтено в ход, все было хорошо, раз дело шло о моральной изоляции Советской республики, о моральной изоляции Ленина от трудящихся остальных мира. И был, действительно, такой период, когда мы знали о Ленине и его стране лишь то, что преподносили нам пресса и газетные агенты буржуазии. Советский Союз рисовался нам загадочной страной, где-то там, на далеком Востоке, чуть ли не на грани реального и фантастического.

Рабочие массы хотели пойти правду. Они чувствовали, что их обманывают, и страстное желание узнать хотя бы крупную правду о Ленине и молодой социалистической республике не оставляло их ни на минуту. Но кто и как мог бы удовлетворить это желание?

Я вспоминаю, как переходило из рук в руки всякое мало-мальски беспристрастное и правдивое сообщение о России, с каким волнением оно обсуждалось повсюду, какие бурные дискуссии вызывало. Я вспоминаю, как хотелось нам разорвать это колючее ядо, чтобы хоть немного приблизиться к далекому, невскому, загадочному миру, где закладывались основы социалистического общества, во главе которого стоял Ленин!

Кто же мог разорвать это колючее, если буржуазия приняла все меры предосторожности для того, чтобы ничто, могущее повредить ее интересам, не могло войти

до трудящихся капиталистических стран! Одним из первых испанцев посетил Советский Союз лекий, довольно авторитетный в своей области профессор социал-демократ, которому его партия поручила составить доклад о всем виденном и слышанном. Этот господин, типичный буржуа до кончиков ногтей, приехал в Советский Союз, вооружившись большими очками свои близорукости глаза, попохал пемного воздух и, может быть, даже испачкал немного свой алягантний, профессорский сортук а вернувшись к себе на родину, где стал выступать с докладами.

С каким интересом, с каким нетерпением рвали рабочие послушать его! Они надеялись, что этот авторитетный очевидец расскажет им правду о Советском Союзе, о Ленине, о победах социализма.

Разумеется, господин профессор, выполняя заказ своей партии и, следовательно, заказ буржуазии, полностью обманул ожидания своих слушателей. Было ясно, что партии И интернационала лекий подерживал буржуазию в ее борьбе против Ленина и его дела.

Нет, не с этой стороны должен был прийти свет истины.

В Музее Ленина есть заключительный — квадратный — зал, где собрана великая мысль гения в виде множества его книг, изданных на всех языках мира. А посреди зала многочисленные свещенные точки на большом, беспрерывно вращающемся земном глобусе показывают посетителю, в каких пунктах земного шара печатались произведения Ленина.

И там, в этом заключительном зале, я размышляла о мрачном прошлом и светлом настоящем. Я думала о трагедии Ленина, о торжестве гения и правды. Этот заключительный зал как бы говорит буржуазии и ее правительствам: тишины были ваши усилия, ваша битвенная злоба. Правда Ленина все-таки вторглась в ваши владения! Этот зал говорит партиям И интернационала: не помогли вам ваши измены и предательства. Ленин говорит с массами через ваши головы! — Этот зал говорит трудящимся всего мира: Товарищи, ваше страстное желание узнать Ленина осуществилось. Теперь вам остается лишь воспользоваться этим знанием!

Каким же образом этот зал Музей Ленина стал реальностью? Что случилось, что переменялось с той мрачной поры, когда имя и образ Ленина за пределами Советского Союза были окружены непроходимой стеной молчания и лжи? Случилось то, что правда и гений Ленина продолжили себе в конце концов путь сквозь лебры вражеских измышлений. Случилось то, что дело Ленина, как всякое дело, связанное с будущим человечества, восторжествовало над всеми препятствиями.

Но все это произошло не само по себе, просто и легко, с той же естественностью, с какой день приходит на смену ночи. Если трудящиеся капиталистических стран знают теперь, кто такой Ленин, если они преклоняются перед ним; если они изучают его труды; если они следуют за ним и усваивают его учение для грядущих битв, то все это произошло вовсе не потому, что буржуазия захотела это и решила внести поправки в свою прешнюю позицию, и не потому, что социал-демократия изменила своему первоначальному курсу...

Ничуть не бывало! Это произошло в первую очередь потому, что такова была воля трудящихся. Их стихийное стремление к истине с течением времени настолько возросло и усилилось, что буржуазия вынуждена была отступить. И это было величайшим торжеством трудящихся масс.

Когда посетитель покидает Музей Ленина, который, как и всякий музей, принадлежит все-таки прошлому, и выходит на улицу, его взором открывается новый, гниатский, необозримый зал: Советский Союз. В нем, в этом зале, собраны реальные чудеса настоящего. В нем также присутствует гений двух творцов нового мира: гений Ленина и гений Сталина. Благодаря им существует этот новый мир. Благодаря им беспрерывно и бесконечно растет его сила, могущество, значение.

КАРТИНА ОДИНАДЦАТАЯ

Огромная, во всю стену, старинная ваза. В углу у дверей метла и куча мусора, и где-то под стеной маленький рыцарский стол, древнее черное кресло с голландской спинкой и новый перламутровый табурет. На столе телефон.

ЗАБЕЛИН. Я чувствую себя, как Наполеон, когда стирала Москва. Мне страшно. Я готов бежать, куда глаза глядят. Я в этом огромном пустом доме второй день сижу один и не могу понять, что это такое? Насмешно? Бред? Надувательство? Меня послали работать... на работу!

МАША. Откуда ты добыл такое огромное кресло? ЗАБЕЛИН. Сторож принес из сада. Там стоит еще карета. А стол и это сиденье я сам купил. Телефон остался от какого-то штоба. Работает. Но я не знаю, куда мне звонить и зачем звонить?

МАША. Тебе дали какие-нибудь полномочия? ЗАБЕЛИН. Вынул бумажник, из бумажника достал и развернул лист бумаги. Вот... Эдисон не мечтал о таких правах! Я вынес всех советских губернаторов, потому что я имею право указывать губернаторам, и они должны мне повиноваться. Я имею право назначать на всевозможные должности разных важных начальников и увольнять их в любую минуту. А если они не захотят повиноваться, я волен продать их суду трибунала. Я могу реквизировать что-то такое в любом количестве... Чека обязана карасть всех, кто вздумает подрывать мою работу. А сторож, несмотря на такие грозные вещи, не захотел вывести меня из этой залы. Сторожу никто не платит жалования, и он ухитрился торговать брахмом. Что это такое, я у вас спрашиваю, мамузаваль?

МАША. А я почему знаю? Ты только не раздражайся! ЗАБЕЛИН. Как же не раздражаться? Я сижу в пустой зале заброшенного особняка и считаю главой какого-то учреждения.

(Входит Рыбаков) РЫБАКОВ. Туда ли я попал? Как же так... я не понимаю! Здравствуйте, Маша!

ЗАБЕЛИН. Маша, это поразительный Ромео! Даже здесь, в учреждении, он у твоих ног. Уловился? (Рыбакову). Что вы не понимаете, молодой человек? Что вас озадачило? Не мое ли присутствие? РЫБАКОВ. Ваше.

ЗАБЕЛИН. Почему же, сударь, вас озадачило мое присутствие? РЫБАКОВ. Я думаю, что вы арестованы... (взглянув на Машу). Мы с тех пор не виделись.

ЗАБЕЛИН. Вы думали, что я сижу? РЫБАКОВ. И мог так подумать. ЗАБЕЛИН. Можете, не спорю. А как вы явились сюда, зачем? Она вас прислала сюда прийти?

РЫБАКОВ. Честно говоря, я доволен. Страшно доволен. ЗАБЕЛИН. Еще бы! И я был бы доволен, пашедши мою Джульетту. РЫБАКОВ. И не от того... то-есть, и от того, и не от того... Я послан сюда работать!

ЗАБЕЛИН. Вы посланы работать? Пожалуйста, садитесь. Вот мое кресло. Прикажывайте! (Увидел улыбку Машы.) О, как ты смеешься! Не смей улыбаться. (Рыбакову). Садитесь, прикажывайте. РЫБАКОВ. Напрасно, честное слово, у вас такая прелесть. Меня посланы вам помогать.

ЗАБЕЛИН. А вы энергетик, электрик или хотя бы электромонтер? РЫБАКОВ. Умею чинить стиральные пробки.

ЗАБЕЛИН. Вы не находите, что этого слишком мало для того, чтобы работать по электрификации? РЫБАКОВ. Боюсь, мало.

ЗАБЕЛИН. Вы хоть представляете себе, как вы будете мне помогать? РЫБАКОВ. Ничего не представляю.

ЗАБЕЛИН. Я знаю, что мне доверять трудно, но что такое вы? Комиссар... Впрочем, это даже лучше и обстоятельнее. То я следом один, как бован, так

теперь будут два бована свистеть в пустом доме! РЫБАКОВ. О неволе речи не было. Меня направили к вам в распоряжение, но я даже не глянул, что за фамилия у моего начальника.

МАША. (отцу). Видишь, какой ты грубый! Ты лагерь из множества неприятностей. И ни за что!

ЗАБЕЛИН. В служебных отношениях негодности не годятся. МАША. Я представляю себе, как вы будете работать! Мне уж сейчас смешно на вас смотреть...

ЗАБЕЛИН. Что ты представляешь? Уходи отсюда! МАША. Я два года нахожусь на советской работе, а ты два дня!

РЫБАКОВ. Мне лано строгое указание по трать времени. Давайте обсудим, что и как.

ЗАБЕЛИН. Давайте обсудим. РЫБАКОВ. С чем вы прежде всего столкнелись?

ЗАБЕЛИН. Ни с чем. РЫБАКОВ. Так... ну, и что же? ЗАБЕЛИН. Ну, и ничего. РЫБАКОВ. А что имеется в ваших руках?

ЗАБЕЛИН. В моих руках ничего не имеется. РЫБАКОВ. Насколько я могу понять, вы и я, и вся эта обстановка, составляют наше всероссийское учреждение?

ЗАБЕЛИН. Именно, молодой человек! РЫБАКОВ. Телефон есть. А средства передвижения вам не дали?

ЗАБЕЛИН. В сарае стоит карета. РЫБАКОВ. Без лошадей? ЗАБЕЛИН. Без лошадей.

РЫБАКОВ. Без лошадей карета не годится. Не надо увлекаться. Это еще счастье! Мы лан замечательный домик. Сюда не стидно пригласить поряочных людей. Вы молитесь богу, что я вам прикомандировал меня! Мне приходится устанавливать советскую власть в разных замечательных местах... Однажды я взял город, пришел в городскую управу, конфисковал кассу, а в кассе горюшка оказалось две копейки. С двумя копейками я начал советскую власть! У меня был аршинный мангал...

ЗАБЕЛИН. У меня тоже огромный мангал. (Дает мангал Рыбакову). У я не знаю, что с ним делать. РЫБАКОВ. Напрасно. Надо найти копейку, за который хватятся. (Чтает мангал.) Вы имете право привлекать к работе специалистов. Надо лишь найти копейку... Я, например, в том богоспасаемом городе содал в театр всю крупную, среднюю и мелкую буржуазию... А на сцену

поставил пулемет и часы. Позвольте, товарищ Забелин, мне заняться привлечением специалистов! ЗАБЕЛИН. Ни в коем случае! Через пулемет с ними ничего не сделаешь. (Маше). Чему ты улыбаешься?

РЫБАКОВ. Зачем же через пулемет? ЗАБЕЛИН. Нет, нет! Я бы сам стал привлекать их, но вас никто не знает. РЫБАКОВ. Сейчас поспражу. (Взял телефон, назвал номер.) Редакция «Известий»? С вами говорит ученый секретарь особой комиссии. Мы разворачиваем работу по вопросу электрификации... А вы и не знали? Сюхо работаете. Пришлите к нам сотружника. Я ему дам важные соображения... Наш телефон... (назвал номер) Завтра все специалисты Москвы узнают, что мы хотим их привлечь. Здесь мусор. Это нехорошо. Я сейчас вынесу мусор. А вы садитесь готовиться к докладу. Вам придется побеседовать с мужиками об электрификации. Впрочем, там будут не одни мужики.

ЗАБЕЛИН. Где беседовать? РЫБАКОВ. У Ленина. ЗАБЕЛИН. В Кремле? РЫБАКОВ. Да. ЗАБЕЛИН. Когда? РЫБАКОВ. Сегодня после шести часов вечера.

ЗАБЕЛИН. До шести часов времени по много. Когда уберете мусор, позвоните профессору Вострякову и попросите дать вам его доклад по Волхову. Востряков со мной не разговаривает, а вам с удовольствием даст.

РЫБАКОВ. Затем нам надо почью наметить программу действий, чтобы с утра развернуться. ЗАБЕЛИН. Очень рад... Ну... я сяду, займусь! (Маше) Чему ты улыбаешься? Уходи отсюда! Терпеть не могу, когда за мной подсматривают! Ты девочка! У тебя в голове амурлы! Ты не имешь права улыбаться, глядя на меня!

МАША. Милый папа, а тебя страшно люблю! И вас я люблю, Рыбаков... всего вам доброго, милые мои! РЫБАКОВ. Не уходите, Маша! Вы не знаете, что вы сказали. МАША. Как же я не знаю. Я знаю. РЫБАКОВ. Вы сказали — люблю! МАША. Люблю. РЫБАКОВ. Антон Иванович, вы слышите?

ЗАБЕЛИН. Не слышу и слушать не желаю. Проводите ее до парадного и не будьте там долго. Вы мне нужны. (Маша и Рыбаков ушли. Забелин некоторое время работает один. Рыбаков возвращается.)

ЗАБЕЛИН. Слушайте, Ромею несчастный, скорее зовите профессору Вострякову. Слышите меня или вы затраваны любовью? РЫБАКОВ. Зачарован, но я злою!

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ В Кремле, неподалеку от Славских ворот. Часовщик и Красноармеец, что был в башне ночью.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Ты знаешь, какое у нас государство? Ты его на конца в копейку прощел? Нет. А я прошел. Если такое государство водой полить, то получишь океан. Голова слезная, как же можно от такого государства в одну минуту оторваться? Ты должен был с самого утра заявить, что готово, мол, пожалуйста, мол! В шесть часов вечера, мол! Все это ты должен подробно обрисовать и позать с утра... За такую твою неаккуратность я бы тебя живьем съел!

ЗАБЕЛИН. Слушайте, вы окончательно уберете меня этими словами. Я целый день не кушал, а и без вас не в себе, я болен, я нервничаю, у меня в голове молотки... я не могу вас слушать!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Конечно, не можете слушать, раз простоялся. ЗАБЕЛИН. Слушайте, я совсем и не рад, что пригласил вас консультантом. Ну, зачем я с вами связался? КРАСНОАРМЕЕЦ. А ты думаешь, я рад? ЗАБЕЛИН. Зачем же вы не отпустите от меня?

КРАСНОАРМЕЕЦ. Любя тебя. ЗАБЕЛИН. Знаете что? Так не любите от меня! КРАСНОАРМЕЕЦ. Любя тебя. ЗАБЕЛИН. Знаете что? Так не любите от меня!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Как могу, как могу... Ты не сердись! ЗАБЕЛИН. Ну, хорошо. Только вы не нервничайте, а то ваши нервы передаются мне. (Берет из своих карманные часы.) Семь пятнадцать минут шесть!

КРАСНОАРМЕЕЦ (долго и солидно вынимает, открывает, слушает свои часы). Не без пяти, а без четырех минут. Твои отстают.

ЗАБЕЛИН. Пока вы свои часы вынимали, прошла целая минута. Слушайте, говорите о чем-нибудь постороннем!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Я бы сам рад, — не могу! Ведь я тоже в тревоге, а тоже нервничаю! Прежде я ведь и внимания не обращал на эти башенные часы. Стоят — так и надо. Старина-матушка. Оставлена, мол, для виду, как и те орлы... А теперь, когда я сам ностиг в утих мудрости... то-есть душу у них увидал, то гордость во мне явилась! Пускай все люди — народы понимают, что есть Кремлевские

куранты! (Слохватулся, торопливо вынул часы.) Теперь стало без трех минут шесть... и никого нет... никого не видно... Какая беда!

(Идет Рыбаков. Часовщик останавливает его). ЧАСОВЩИК. Товарищ... я не ошибаюсь, Рыбаков? РЫБАКОВ. Да, Рыбаков. А вы кто? ЧАСОВЩИК. Не узнаете? РЫБАКОВ. Чего-то плохо помню. ЧАСОВЩИК. Неужели вы узнаете? Вы же мне приехали домой. Я живу в Марьиной роще.

РЫБАКОВ. Теперь узнаю. Вы часовщик. Сделали часы? ЧАСОВЩИК. Я сначала страшно испугался, что у меня ничего не выйдет, а потом взял себя в руки и стал работать тихо и втих. Пожалуйста, подождите здесь какие-нибудь две минуты! Они должны прийти шесть часов и сыграть «Интернационал». Я вам буду всю жизнь благодарен за такой релкий заказ. Много ли часовщиков во всем мире имели такие заказы? Но мне некому сыграть заказ!

КРАСНОАРМЕЕЦ. Сам виноват! Если бы я был с тобой ближе знаком, я бы съел тебя.

ЧАСОВЩИК. Ешьте... на-те, ешьте! КРАСНОАРМЕЕЦ. Идут! Множество... идут!

ЧАСОВЩИК. Я пойду туда в башню, к механизму... если они собьются, я сам сойду с ума! (Убегает, за ним Красноармеец).

КРАСНОАРМЕЕЦ. А что я тут стану делать? И я с тобой! Я тоже такой! (Явился Ленин и группа крестьян и рабочих. Чувидно, они участники совещания. Среди них Забелин). ЛЕНИН (смотрит на часы). Мы как раз... без одной минуты шесть! А где часовой мастер? Никто не выдал часовщика?

РЫБАКОВ. Он побегал в башню, в часам.

Часто и уютливо можно слышать один и тот же вопрос: как вы работали над образом? По-моему, это прарадный вопрос, хотя спрашивающие искренне думают, что они спрашивают с делом и толком, что можно ответить на такой вопрос? Что касается меня, то я не знаю, хотя меня просили что-то такое говорить, и я говорил какие-нибудь плоские вещи.

Но когда подобный вопрос ставится в связи с образом Ленина, то хочется сказать: нельзя же так, друзья! Что такое мы сделали? Где вы увидели в художественной литературе образ Ленина? Кто из писателей посмел сказать, что он уже создал этот образ?

Как легково и бездумно мы бросаемся терминами! Образ Ленина... Неужели так легко и исчерпывающе нам представляется этот неистовый образ, что мы позволяем себе бросаться словами о его создании?

Нет, то что сделано, не дает нам никаких прав рассуждать об образе и тем более рассуждать о том, как кто-то на нас работал над образом Ленина.

К тому же надо заметить, что подобные рассказы не имеют никакой полезной цели. Сделано еще очень немного, но уже много рассказано, разобрано, «осмыслено» и передано в «виде опыта». И что же? Опыт принимается, осваивается, а на наших глазах возникает — шаблон.

Будь сделано много, грандиозно много, тогда неизвестно, чему подражать и что канонизировать. Шаблон в искусстве идет от бедности. Уж если наш уважаемый «ведущий» мастер делится своим опытом, то у кого же более нам учиться? А «ведущий» мастер создал всего несколько штрихов. Под видом «опыта» передается эти несколько штрихов, и таким образом распространяется шаблон.

Мне неоднократно приходилось слышать, что и у меня «есть опыт». Это неверно. Это не может быть верно. Опыт — большое понятие. Где же этот наш опыт, в чем он выразился? Я знаю только одно: что Ленин несперваем. Удивительное ощущение переживает тот, кто хоть на мгновение почувствует эту ленинскую несперваемость. Может быть, он придет в отчаяние от невозможности решить, своих владеть, бросит работу или о жаром вдохновения станет искать этот вечно простой секрет искусства, как великое превратить в малое, чтобы малое стало великим.

В пьесе «Кремлевские куранты», где Владимир Ильич выступает главным действующим лицом, мне пришлось взять всего несколько дней его жизни и дать лишь один штрих его характера. Может быть, и этот штрих не точен, и это другой вопрос, но ведь всего один штрих, а для разработки этой одной черты личности Ленина мне понадобилась целая пьеса.

Что же это такое? Когда я стал собирать иные черты его характера, то оказалось, что у меня нет возможности воссоединить все эти черты, оттого что каждая из них — целая новая, неожиданный образ. Потом надо же помнить, что живая человеческая душа Ленина была душой нашей революции, нашей истории. Решая ту или другую черту ленинского характера, вы неизбежно поставите ее в связь с определенными событиями времени.

Ночь. Весна. Кремлевская набережная. Ленин говорит аноному своему, бывшему матроу, что он иногда мечтает. Вот эту черту ленинского характера мне захотелось взять для пьесы. Мне уже говорили, что Ленин не только мечтал, и указали на многие черты его личности, с большой самоуверенностью предполагая, что в будущем будто Ленин только мечтал. Они говорили также, что надо создать образ Ленина, умно говорили, но не сказали лишь, как это сделать.

ЛЕНИН. И вы здесь, Сама? Здравствуйте. Надеюсь ли окажется ваш мастер, товарищ Рыбаков? (Гихо.) А что, если поведет меня часовщик? Подрвет ведь он мой авторитет! Не поверят эти мужики ни в электрификацию, ни в трактор, ни в лавой социализм.

РЫБАКОВ. Вам поведет. ЛЕНИН. Я... а что я им могу покуда? Ни пшша! Все эти чудеса в будущем, а в настоячем — часы, и те не хотят бить.

(Начинается бой Кремлевских курантов. Забелин взглянул на Ленина и потупился. Ленин стоит как-то настороженно, прислушиваясь с легкой улыбкой. Некоторые рабочие поглазывают на деревесных, деревесных не принимают событие сурово и степенно. Они из молодых хотел высказаться, на него строго цыкнули. Куранты пробили шесть часов. Наступила пауза. Забелин выстунил вперед и тоже что-то хотел сказать, но Ленин поднял руку. Забелин и отступил назад. Куранты назвали «Интернационал». Забелин и первый сплял шляпу, потом постепенно у всех обнажились головы).

ЛЕНИН (с глубокой радостью). Видите, а?... Идут! (Стал слушать.) Это великое дело! Это уж навсегда. Своим кремлевское время они будут отсчитывать веками. И когда забудется все, о чем мы с вами спорили, товарищи, они будут считать новое время, а то время окажется началом новых электрификаций, мечтаний, дерзаний... Постоите, а где же часовщик? Сама, позвоните нам часовщика!

ЧАСОВЩИК (из башни). Я здесь. Я вас слушаю! ЛЕНИН. А эта механика теперь не останавливается? ЧАСОВЩИК. Меня не будет на свете, а куранты не перестанут играть «Интернационал».

ЛЕНИН. Так что же, товарищи, давайте поблагодарим мастера!

«ХОДОКИ-КРЕСТЬЯНЕ НА ПРИЕМЕ У В. И. ЛЕНИНА» Картина И. Грабара

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Ленин и культура

Еще задолго до Октябрьской революции Владимир Ильич, живя в эмиграции, говорил, что наступит время в России, когда политическая власть перейдет в руки пролетариата. И только тогда культура нашей страны расцветет полным цветом. Много раз высказывал он тогда твердое убеждение в высшей талантливости русского и других народов, населявших парскую Российскую империю. Наступит время, говорил он, когда освободившиеся народы ринулись в науку, искусство, литературу, искусство, азбуку и покажут миру чудеса новых достижений в самых разнообразных областях.

Когда в былые времена приходилось разговаривать с Владимиром Ильичем о будущем устройстве общества «на другой день после социальной революции», всегда приходилось упреждать, до какой степени им продумано и прудумованно решительно все. Он знал, что нужно будет делать, как и что организовать, и что осуществлять в самых разнообразных областях народной жизни. Нечего и говорить о том, что в области культуры он решительно все продумал и твердо решил.

В третью ночь после Великой Октябрьской социальной революции в кабинете председателя Совета Народных Комиссаров совершалась распределение работ среди народных комиссаров. На пост народного комиссара просиженник был выдвинут А. В. Луначарский. — Всеобщее бесплатное образование (горячо заграки в школе), — записывал я, сущая Владимира Ильича, — реоргани-

зация средней школы, дровные языки для желазоных, новые (два) обязательных, по-больша истории, физкультура, реорганизация правосудия, замена экзаменов собеседованиями при приеме в школу и при переходе из класса в класс; реформа высшей школы, больше математики, естественных наук, специальное (инженерно-техническое) образование...

И так же подробно по всем вопросам круга ведения народного образования... Тут же театр, библиотеки, кино и пр. — А кто же будет называть классиков?.. Они нужны сейчас в огромных тиражах!..

Конечно, народный комиссар по просвещению, — отвечал сам себе Владимир Ильич. — Но она все некажени царской цензурой, — сказал я.

Смотрите, кон у Толстого в «Воскресеньях» вытисот транить четыре выдидки... Владимир Ильич задумался: — Ничего, — сказал он, — изданы пока что все, что мы так, как приложениа к «Искусству» все попарим... Вот вы, Владимир Дмитриевич, должны продолжать работу нашего Железного архива и библиотеки и собрать оверное полнотипическое русской литературы и другие тому подобные материалы и организовать дело академического издания их произведений с развурнутыми комментариями и статьями. А с них будут печатать массовым тиражом...

После этого Владимир Ильич много раз возвращался к этому вопросу и все спрашивал, что делается для нахождения всех рукописей классиков, принимаая деятельное участие вожарские целых транспортных библиотек, вент, выкупились в Румянцевский музей. Сам лично выработал программу издания полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, самым тщательным образом следил, уже в Москве, за переводом рукописного стеления Академии наук из Казани в Петроград, руководил отправкой библиотеки Нарекосельского лиг в Екатеринбург (ныне Свердловск), считая необходимым временно перевести эту ценнейшую библиотеку, на которой учились Пушкин, Дольвив, Кюхельб-

бер и др. К величайшему сожалению, эта библиотечка, наполовину разоренная, до сих пор почему-то находится в каком-то учебном заведении в г. Свердловске и таким образом исключена из круга научного исследования пушкинской эпохи.

Завел Владимира Ильича по собиранно рукописей нашей литературы вышло. Сначала я застал их в Румянцевский музей, а с 1930 г. собирав огромные фонды в достаточно теперь известном Государственном литературном музее.

Почти не было дня, чтобы Владимир Ильич не дал бы те или другие самые существенные указания в области нашей культуры. Всему мирно знаменитый профессор П. И. Павлов, изумленный холодом и гонимом, который охватил тогда в 1919 г. Петербург, написал мне, что просит отпустить его за границу. Я тотчас сообщил об этом Владимиру Ильичу.

Я сейчас же написал бы ему сам, — живо отозвался Владимир Ильич, — по-видимому, что у меня делается, — и он указал на вороха телеграмм со всех фронтов, которые он внимательно изучал. — Напишите сейчас же ему, что мы немедленно устроим все нужное для его работ, скажите ему, что мы крайне неимею его работу и пусть он знает, что вот только сейчас же с интервьюируем и с благоварнейшей, сейчас же займемся устройством мира ученых. Я уверен, — добавил он, — именно Россия будет той страной, куда будут съезжаться ученые всего мира, именно у нас будут процветать науки, лаборатории, институты и все, все.

Я тотчас же написал профессору Павлову, которого лично знал, и совершенно точно изложил все то, что сказал мне Владимир Ильич. Вслед за письмом в Петербург было дано строгое предписание немедленно и сейчас же все устроить для Павлова и его института.

Павлов ответил предписанном письмом, некреще благодарил Владимира Ильича, но дело же добавил, что дело не только в нем, а во всей корпорации ученых, что они крайне плохо обеспечены, что они болен и что он не может выделить себя из всех остальных.

Владимир Ильич прочел это письмо и нашел его правильным и убедительным. — Какой настоячий, принципиальный и коллокальный старик! И написал все очень убедительно. Надо принять серьезные меры... Интервью недосмотрели...

И тут же была утверждена Комиссия помощи ученым. Председателем ее был назначен А. М. Горький. Алексей Максимович был вызван в Москву, де встретился в Совнаркомом с Владимиром Ильичем после почти двухлетнего перерыва.

Сейчас же был установлен известный совнаркомовский наек для ученых, который дал им возможность снова начать интенсивную научную работу.

В 1918 году Владимир Ильич обратил особое внимание на необходимость украшения городов. Он хотел отметить все дома, в которых жили крупные литераторы, ученые, революционеры, и украсить их мемориальными досками и барельефами, чтобы школьники, рабочие или приезжие, совершающие прогулки по городу, могли бы узнать, где жили их знаменитые соотечественники. Фасады общественных зданий он предлогал украсить подходящими зоогами, ланоними представлениями о наших стремлениях.

Площадь, бульвары, скверы, перекрестки людных улиц, по его мысли, должны были быть украшены памятниками особенно популярным деятелям революций всех народов, представителям науки, искусства, литературы. Он сам намечал двадцать четыре таких памятника, среди которых были Бабуф, Марат, Дантон, Робеспьер, памятник, поставленный в Александровском саду, около Триумфальных ворот, и возранный через несколько дней вражеской рукой. Тут же был составлен список русских и иностранных классиков художественной литературы, композиторов, великих актеров, критиков. Но помимо памятников Владимир Ильич всеми мерами старался поддержать и реставрировать лучшие здания Москвы. В Кремле он самым деятельным образом помог реставрировать Успенский собор, где смыслились современные бездарные росписи, под которыми скрылись замечательные фрески

средних веков. Благодаря личному участию Владимира Ильича была спасена и вполне реставрирована Шереметьевская больница (ныне им. Скляфосовского), когда-то возведенная знаменитым архитектором Гваренин. Владимир Ильич напрягал все силы, чтобы дать средства на реставрацию знаменитейшей мечети в Самарканде; он особенно наблюдал за реставрацией Василия Блаженного и тех кремлевских башен, которые пострадали при бомбардировке Кремля во время Октябрьской революции.

Всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства, — это само собой, — но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходить экскурсанты, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные исторические объяснения посетителям.

Исходя из этой точки зрения, Владимир Ильич уделял много времени на работы комиссии по восстановлению Ярославля, сильно разбитого при ограблении белогвардейского выступления, организованного англичанами во главе с эсером Савиновым и английским шпионом полковником Рейландом.

К стыду нашему, проклятыми вредителями и врагами народа, проникшими несколько лет тому назад в просветительские наши организации, в Москве было разрушено несколько памятников старины.

Но мы также отлично знаем, что благодаря энергичному вмешательству И. В. Сталина вся эта разрушительная деятельность была решительно остановлена и круто прекращена. Теперь мы знаем, что веру и веде восстанавливаются памятники старины, охраняются сохранившиеся и реставрируются уже уничтоженные.

И таким образом этот завет Владимира Ильича сейчас выполняется полностью. И так веде, в какую бы область культурной работы вы ни заглянули, веде и веде патолкнетесь на руководящие указания Владимира Ильича, на яркие примеры его непосредственной деятельности.

IV.

Если мы чуть заглянем в культуру техники, изобретений, сооружений, мы тотчас же должны отметить, что первая элестротостация — Волховстрой — построена под личным наблюдением Владимира Ильича и при самом энергичном его содействии. Весь план Энергостроя был тщательно продуман и выверен самим Владимиром Ильичем.

Радиовещание, электрические плуги, кино, всевозможные изобретения, постройка колоссальных пропускных бапных пунктов при всех вокзалах железных дорог города Москвы, через которые прошла вся лаша Красная Армия со всех фронтов перед ее демобилизацией, — все это интересно Владимиру Ильичу. Таким образом охранялись самые деревни, города и местечки от запаса сырого и возвратного тифа, которые так одно время свирепствовали у нас на всех фронтах.

И в это же время тщательная забота о Государственном издательстве, о газетах, о музеях, о театрах и концертх, о домах отдыха, о больницах и здравницах.

На все у него хватало времени. Всем было интересно Владимиру Ильичу, все хотел знать, всех торошил, попукал, помогал в работе, омушлял одной мыслью, что все это — для широких народных масс, что все это теперь наше, советское, народное.

Тут он не знал устал. Днем и ночью горел он на работе для нашего социального отечества, отдавая не только все свои силы, весь свой гениальный разум, но и всего себя, всю свою жизнь.

В настоящее время, когда под твердым и несокрушимым руководством нашего великого вождя, друга Владимира Ильича — товарища Сталина, область социальной культуры так возвышена и обеспечена таким особым вниманием, мы наверно знаем, что все заветы Владимира Ильича и в этой области не только будут выполнены целиком и полностью, но несомненно будут перевыполнены. Наша счастливая социалистическая родина, расцветающая во всей своей жизни не по дням, а по часам, и в области науки, искусства и литературы, и всей культуры вообще, несомненно в самый кратчайший срок займет первенное место в мире.

«Хозяин Трех Гор»

Эта книга удивительно свежо и талантливо рассуждает о судьбах культуры и искусства в условиях буржуазной демократии. Гранатово-серый бумажный переплет с узором кирпичного цвета и синий колокольчиковый корешок с перламутровыми на нем черными буквами свидетельствуют о совершенном отсутствии вкуса и полного забвении принципов книгоиздательской техники. Книгу просто не хочется брать в руки, скучно становится от одного ее вида.

Но если читателю удастся победить в себе это чувство, если он лишь бегло проглядит скучнейшее предисловие С. Дмитриева, в котором с наукообразным бесстрастием доказывается, что «образ хозяина «Трех Гор» хорошо угадан автором и в основном трактует соответствующим реальному историческому прототипу», словом, если читатель доберется через все упомянутые препятствия до самого текста книги, — он будет вознагражден.

Потому что работа В. Ковалевского до чрезвычайности интересна. Это не роман, не повесть и не история. Пожалуй, вернее всего было бы назвать ее историческим очерком. Но элементы беллетристического вымысла, в лучшем смысле слова, здесь присутствуют несомненно, и много в этой книге — результат писательской догадки, а не только кропотливого изучения материала.

История первого в России крупного мануфактурного предприятия в книге В. Ковалевского не просто сведена из имеющихся у автора материалов, эта история верно осмыслена, во многом угадана и увлекательно рассказана, и здесь уж заслуга автора, разумеется, не только в соответствии реальному историческому прототипу.

Пользуясь историческим материалом и не выходя за его пределы, можно воссоздать события, поступки людей, их мысли, в лучшем случае их слова. Но чтобы сложить из всего этого человеческие характеры, необходимо мастерство художника. И этим мастерством без сомнения владеет В. Ковалевский.

Хозяин «Трех Гор» — Тимофей Прохоров, яркий человек, очарывавший людей богатством, жестоким, лживым, достаточно лживым даже по тем временам, но вместе с тем, благодаря каким-то свойствам, души и вперед своих конкурентов, живет и действует у Ковалевского с полной непринужденностью литературного героя, несмотря на то, что образ его, по свидетельству С. Дмитриева, вполне соответствует историческим сведениям, какими располагал о нем автор.

Тимофей Прохоров — подлинное и, мы бы сказали, любимое дитя своего времени. В этом показателен и состоит смысл исторической трагедии его образа. В Ковалевском. В страшные, казакратно-помпозные времена начала прошлого века Прохоров преуспевает во всех своих начинаниях. Гибнут лучшие люди, пьшдет крепостничество, разоряются помещики, в стране свирепствует голод, страна истощена войной, а фабрика Прохорова растет, доходы его умножаются, власть и слава становятся все прочнее и шире. Жизнь его идет гдето в стороне от трагических и немальных событий, которые привычно возникают у нас в памяти, когда мы думаем о начале прошлого века. Но ничего, кроме выводов, из этого своего социально-обоснованного суждения не извлекает. Он имеет какие-то основания полагать, что плывет в гору с временем, а иногда и обгоняет его.

Характерен в этом отношении эпизод описания странствий Прохорова по России.

«Однажды Тимофей вдруг начал убеждать помещика, который показался ему толковее других, что на его полях вместо пшеницы гораздо выгоднее разбить плантацию корня марены, из которой выработают красную краску. Он уверял, что южный климат вполне благоприятствует этому делу, и, подсчитав, сколько рублей даст корень с одной десятины».

ны, обещал помещику, что он сам выпьшет для него семена марены из южной Франции. Тимофей здесь же предлагал помещику деньги в кредит под это дело. Бари чуть ли не намертво перепутался от разговоров Прохорова; он самочинно его арестовал и отравил с попутными в Полтаву к городничему, чтобы тот разбрался, что это за человек, выдающий себя за московского купца, который в барском костюме рыскает по дорогам лошади в рессорном шарбанчике, всем дает деньги и угоняет бросать сеять хлеб.

Ужас помещика петрудно понять. Вель через его именные на своей бричке мог так же проехать и Павел Иванович Чичиков, одушевленный предприниматель не менее фантастическим, чем замысел Прохорова. Кто их так разберет... Странные ведь наши времена!

А времена эти в книге В. Ковалевского показаны великолепно. Время дано не в унылых обиходных исторических описаниях и не с помощью бутфорских мелочей, а всем строем жизни людей, смыслом и направлением их судеб, ролью, какую каждый из них играет в книге. Жизнь и гибель первого учителя Прохорова, Тихомирова, сначала студента, а потом мелкого чиновника, замученного в желтом доме за неугодные московскому губернатору разговоры о Наполеоне, судьба Степана Колмажника, полюбившего бунт и своей деревне и убитого в схватке крестьян с помещиковскими уланами, жалкая жизнь, какую ведет ученик Геман, обучающий Прохорова химии, судьба рабочих на фабрике Прохорова, — все это неразрывные части единого целого — жизни русских людей первой четверти прошлого века. Ковалевский очень много о ней знает и отлично умеет рассказывать. Даже исторический фон, на котором происходит жизнь его героев, выгадывает у него по-своему, даже детали он находит свои. Превосходно сделано, например, описание Москвы, когда Прохоров возвращается в нее после наполеоновского шествия.

«Выжженная от заставы до самых стен Кремля Москва была видна вся навдаль. Удельные одинокие дома стояли непоосованные дымящими выхлопами, подоконники и чужие среди черных развалин, словно они отпугнулись от пламени выжелою печной пелой. Странно было видеть от самого креста заставы ничем не заслоненные, собранные в торчкую глыбу кремлевских соборов и сипий лес Воробьевых гор по ту сторону Москва-реки».

Этот скрупу и точно сделанный пейзаж стора множества описаний московского пожара, имеющихся в нашей литературе. Удельные одинокие дома стояли непоосованные дымящими выхлопами, подоконники и чужие среди черных развалин, словно они отпугнулись от пламени выжелою печной пелой. Странно было видеть от самого креста заставы ничем не заслоненные, собранные в торчкую глыбу кремлевских соборов и сипий лес Воробьевых гор по ту сторону Москва-реки.

Немалое достоинство книги В. Ковалевского — техническая ее сторона. Почти все операции выполнены с блеском и изяществом. Материал стоек того. Ковалевский так точно дышит в избранной им эпохе и так свободно владеет ее материалом, что он мог бы себе позволить чаще выходить за пределы документированных событий.

Словом, очерк удался В. Ковалевскому в такой степени, что приходится сожалеть о скромности замысла, который был положен в его основу.

Горцен — великий художник

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Горцен писал, что «Былое и думы» — «не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Но по случайности на дороге Горцен увидел и перечувствовал все то, что встает перед нами в образах его великого произведения. Горцен обладал даром непосредственно, как свою собственную судьбу, воспринимать и отражать исторические судьбы переходного человечества. Пережив с горечью и болью события 1848 года и прощаясь после июньских дней с иллюзиями буржуазного демократизма и утопического социализма, он имел право сказать: «Наше историческое призвание, наше дело в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Наша человечество превозвращается, мы — его похмелье, мы — его боль родов». Горцен с необычайной силой мысли и чувства выразил особенность своего времени как «всесоциологической эпохи, когда революционно-буржуазная демократия уме умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела» (Ленин). «Мы в междуцарствии», — сказал Горцен.

В окружающей действительности Горцен видел «кошмар» старого, обреченного крепостнического и буржуазного мира, но он прежде всего жалко искал «начала», рюкты нового будущего. А эти «начала» долго представлялись Горцену несными, неосуществимыми, порой даже губительными, пока он — только к концу жизни — не увидел «законодательную фалангу рабочих», собранной в Интернационале.

Потому Горцен-художник не привлекло создание резко обрисованных «нарцательных» типов. Против представителяй старого мира — против русского пария или против западноевропейского буржуа — Горцен направлял своим блиющим сарказмом и жалкими эпитетами в прозе, по типу, подобные готельским или шпринским, не заявил первого плана его величайшего и гениального произведения — «Былое и думы». А «новых людей» Горцен не мог изображать в той их типической одиозности, в которой они

Для открывшейся на днях в Государственном литературном музее выставки «Сталин в художественной литературе» худ. Ю. Казимича представлен новый вариант картины «И. Ленин, И. В. Сталин и М. Горький среди большевиков» — делегатов V Лондонского съезда РСДРП. В центре — картина Ю. Казимича.

В. Ковалевский — издатель Герцена

В связи с исполняющимся в текущем году столетием со дня рождения гениального русского зоолога академика Александра Онуфриевича Ковалевского Академия наук СССР приступила к публикации труды, включенные в ее архивы перенесены академического ученого.

«Перенесены братьев Ковалевских, главным образом, представляя интерес для истории развития естественных наук и распространения дарвинизма в России. Но, кроме основной темы, в ней имеются отдельные документы, относящиеся к биографии многих выдающихся деятелей второй половины XIX столетия. Так, в письме В. Я. Едложкова к В. О. Ковалевскому от 12/24 октября 1872 г. есть интересное сообщение о попытке выпустить в России детальный издательский роман А. И. Герцена «Что виноват?».

Роман не попал в «Отечественные вестники» в 1845—1846 гг. Когда Великий прочитал в рукописи пятую главу романа, он писал Герцену: «И, окончательно убедился, что ты — большой человек в нашей литературе, а не дилетант, не партизан, не наездник от нечего делать. У тебя страшно много ума, так много, что я и не знаю, зачем его столько одному человеку; у тебя много и таланта, и фантазия... Ты можешь оказывать сильное и благотворное влияние на современность». Ленин, брат, пишу, как можно больше пиши...

В начале 1866 года, когда имя Герцена ополтелось, вступил в переписку со стороны царского правительства. В. О. Ковалевский, воспользовавшись знакомством отменного прелатовской цензуры, выпустил роман «Что виноват?» (Петербург, 1866, типография Ф. С. Сушицкого, стр. 26, цена 1 руб.) без фамилии автора, но по соглашению с ним. Герцена это разоловало 10 февраля 1866 г. Он писал сыну: «Ты знаешь или нет, что в Петерб. вышло новое издание «Что виноват?», и говорит, было нарывается куплено». В письме от 2 марта Герцен возвращается к этому событию и в письме спрашивает сына: «Писал я тебе, что Ковал. издал в Петерб. «Что виноват?», и что он был куплен на-

расхат? Теперь он издает «Сороку-ворона», «Крунова» и пр. — и пишет, что будет мне послать по 600 руб. сер. (1,000 фр.) за вольты. Вот до каких чудес мы дожили!»

При отъезде на границу в начале 1869 года Ковалевский отпустил свой издательский дела на попечение упомянутого выше В. Я. Едложкова. В числе других издательских дел Ковалевского Едложков предпринял в 1871 году, по его поручению, повторный выпуск романа «Что виноват?». Книга была отпечатана, но к читателю не попала. Ее конфисковали полностью в типографии. Ковалевский не хотел сдаваться, боролся с цензурой, пытался заставить ее разрешить выход книги в свет, но безуспешно. Дело тянулось около двух лет. Тогда Ковалевский стал требовать от цензуры возврата возмещения его убытков по изданию романа Герцена. Ход этих переговоров указывается на письме Едложкова от 12/24 октября 1872 г. Преведу относящийся к делу отрывок из него. К сожалению, края письма истлели, и некоторые слова приходится заменять точками в скобках. Но смысл их ясен из остального текста: «Я писал тебе, — сообщает Ковалевскому его приятель — доверенный, — что «Что виноват?» задержан; я подаю прошение в Главное управление по делам печати об удовлетворении меня, как Вашего доверенного, по смете типографии за убытки; у меня спросили, по какому праву я издал этот роман, у кого и приобрел право за прощ. Если Вам (...) какой из нас есть заложник дающей (...) наследия (...) издание (...) а без такой заложки они и говорить с Вами не захотят».

Несмотря на запрещение выпустить новое издание романа «Что виноват?», и несмотря на то, что издание 1866 года было распродано немедленно по выходе в свет, вопреки гонимому цензуре на имя Герцена и сымме названия его произведений, — Ковалевский демонстративно издал роман Герцена в списке своих изданий на обложках всех других выпускавшихся им книг.

С. ШТРАЙХ.

Честная муза

Маленькому Куратову, сыну бедного деревенского дьякона, было три года, когда царские опричники долга сжалили деревню и до смерти засекли повстанцев после одного из ожесточенных «бунто» нежданно угнетавших коми, народа, извещного ранее под именем «ларьяне». Вряд ли поэт помнил эти страшные дни своего народа, но в творчестве поэта траурная картина разгрома появляется не однажды.

С давних пор укутана планета
В эту тьму тяжелой ночью:
Все живое — в черном оде, —
Средь людей — людей не огнью и...
Этой планетой летает по орбите.
Нашей кровью телом питаем...

Детство Куратова прошло в жестокой бедности. Мать его, рано потеряв мужа, из всех сил пыталась выкормить детей в люди. Она была необразованной крестьянкой, но понимала, что без знаний, без школы дети пойдут по миру. Науку для нее представляли поэмы — единственные «предоставленные» грамоты в этом краю. Их положение, по свидетельству очевидцев, было крайне жалким. Священник в Ухте, чтобы не оскотел от холода, жил на печке; у дьякона в Поромце вовсе не было толстой одежды, и приходило по очереди прятаться ему шубу, чтобы он мог выйти на улицу. Вряд ли достался пономарю, а затем дьякону — отца поэта Куратова — позволено ему жить роскошней. Деревенские Кибра тоже не отличались богатством.

И все же пианнее духовенство жило относительно зажиточно. У него по крайней мере была возможность питаться каждый день, чего нельзя было сказать об окружающем населении. И не мудрено, что вояка дьякона, памятуя постоиному «у самой плетей пахнет поп вестка сипий», мечтала о духовной карьере своих сыновей.

После долгих мятарств одного из сыновей — Ивана — удалось пристроить в духовную школу. Но поп из него не вышел. Мальчик возненавидел своих наставников и ложь, которую они проповодовали, он увидел их ханжество, узнал их лицемерие и жестокость, понял, что

...За гроши лопатой
Гремит рукою,
За рубль, за плату
Бьет поклоны поп.
Нес добро чудом
Стережет за кость...
Так-то! знайт, дело
Для тебя ханаше!

Нет, он не будет попом. Поп народу не пошел. А судьба народа коми с ранних лет была близка сердцу поэта. В те годы многие сановники из русского правительства мечтали о том, что зыряне, если бы пропалуд сами по себе, то рассосутся в окружающей их среде, потеряют свою национальность, а купцы и богатейшие мечтали о том, как они, наконец-то, станут русскими. В эти дни поэт убежденно пишет:

Пусть, представим, будет коми
Русским, певем, хоть — суми, —
Все равно судьбу им словом, —
Об одном мечту леем —
Быть культурней, быть умнее!

И Куратов стал учителем, чтобы помочь своему народу. Духовная школа, семинария, а затем Москва принесли поэту большую пользу. С поразительным умством и быстротой он овладел латышью, греческим, французским и немецким языками, изучил русскую литературу, Добролюбова и Чернышевского. Три года педагогической работы Куратова были самыми плодотворными годами его творчества. Куратов совершенствует свое знание иностранных языков, переводит на язык коми Анакреона, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гей-

не, Шиллера, Вальтера, Беранже, работает над лирическими стихами, собирает волшебные сказки, очаровательные песни и заунывные плачи народа коми. Он становится самым образованным из современников коми. Ему стоило сделать лишь один шаг, чтобы вся его жизнь пошла по-иному, но он не мог потрафлять, угрожать и лестили богатеям, которых он ненавидел. Поэт остался жить вместе с народом, ослепая градом насмешек глупцов, торгашей и лицемеров.

В стихах Куратова мы встретим и нотки Беранже («Сны»), и сатирические ноты Гейне («Ты творишь дела большие»), и антиматематическую остроту Вальтера:

«Чужим умом на свете жить опасно, —
Сказал пастырик как-то между лес...
Увы, тревога та была напрасна:
Его ума я вовсе не хотел!

Но еще шире, по праву прямого наследования, а часто и по праву первооткрывателя, черпал Куратов из богатейших рюкитов народного творчества. Здесь поэт не только не переводил и никому не подражал, а эти его стихи и песни, созданные на фольклорном материале, доныне живут в стране Коми.

Народная поэзия была подлинной музой Куратова, и ей поэт не изменил, так же, как и своему народу.

Моя муза — не прозябла,
Гордо заявил он и мечтал о будущей —
так и не написанной (а быть может и не известной нам пока) поэме, которая

...покажет красочней, тем прежде, —
Ханжество в мошашеской одежде,
Наразита, что народом правит.
Наш народ своей деспией лавит.
И — люте!,
Чья жизнь — это несчастье,
Ктудных после смерти счастья...
И еще раз подчеркнутая:

Моя муза
Не будет продажной!
Эта клятва поэта была написана в гой ссылки Куратова. Куда еще можно было сослать его, живущего в гущине севера, среди лесов дремучих, болот топучих, морозов трескучих, как писал созданный в Усть-Сысольск редактор «Телеоскопа» Надеждин, друг мятежного Чаадаева. В задешках Надеждина Зырянский край называется тымовой. По царскому повелению уже не опыта — оно испытало этот опыт на величайшем украинском поэте Шевченко — знало, что самой страшной тымовой-одиночкой будет для народного поэта насильственный отрыв его от любимого им народа.

Ссылка была смертью для И. А. Куратова. Он умер совсем молодым — 36 лет, в самом расцвете своего таланта.

Помога спустя его смерть и все то горе, которое терпел народ коми, были отмытены.

К столетию со дня его рождения вышла в Гослитиздат небольшая, хорошо и со вкусом оформленная книжка стихов в переплете И. Молчанова.

Основной недостаток книжки — беспстыпное распыление и выбор материала. Лепше всего было бы — для понятия о росте и пастронии поэта — расположить 35 стихотворений, из которых состоит книга, в хронологическом порядке. Но 15 стихотворений, т. е. почти половина, помечены 1865 годом. Каким образом рукоподготовительные переводчик И. Молчанов и редактор Е. Мозольков в отборе и расположении стихов — непонятно.

Качество переводов большинства стихотворений стоит на довольно высоком уровне. Особенно оно радует в поэме «Гост», сказке «Мякула», стихотворениях «Тыма», «С собакой», «В 1865 году», «Твердят, что в чаше небосвода», «Поэт».

Горцен — великий художник

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Горцен писал, что «Былое и думы» — «не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Но по случайности на дороге Горцен увидел и перечувствовал все то, что встает перед нами в образах его великого произведения. Горцен обладал даром непосредственно, как свою собственную судьбу, воспринимать и отражать исторические судьбы переходного человечества. Пережив с горечью и болью события 1848 года и прощаясь после июньских дней с иллюзиями буржуазного демократизма и утопического социализма, он имел право сказать: «Наше историческое призвание, наше дело в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Наша человечество превозвращается, мы — его похмелье, мы — его боль родов». Горцен с необычайной силой мысли и чувства выразил особенность своего времени как «всесоциологической эпохи, когда революционно-буржуазная демократия уме умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела» (Ленин). «Мы в междуцарствии», — сказал Горцен.

В окружающей действительности Горцен видел «кошмар» старого, обреченного крепостнического и буржуазного мира, но он прежде всего жалко искал «начала», рюкты нового будущего. А эти «начала» долго представлялись Горцену несными, неосуществимыми, порой даже губительными, пока он — только к концу жизни — не увидел «законодательную фалангу рабочих», собранной в Интернационале.

Потому Горцен-художник не привлекло создание резко обрисованных «нарцательных» типов. Против представителяй старого мира — против русского пария или против западноевропейского буржуа — Горцен направлял своим блиющим сарказмом и жалкими эпитетами в прозе, по типу, подобные готельским или шпринским, не заявил первого плана его величайшего и гениального произведения — «Былое и думы». А «новых людей» Горцен не мог изображать в той их типической одиозности, в которой они

фия выступают рука об руку. Горцен вместе с Великим создал русский философско-публицистический язык, на отсутствие которого жаловался Пушкин.

Вместе с тем лирическая, необычайно парная и гибкая горцевская поэза восприняла традиции пушкинской поэтической лексика.

А. М. Горький писал: «Горцен — первый русский мыслитель... Его ум — ум исключительный по силе, как его язык исключительный по красоте и блеску».

Читатель, живущий в великую сталинскую эпоху, с особым чувством глубокой и счастливой удовлетворенности любуется во многие мысли Горцев-художника. Вопросы, которые мучили Горцев, которые ему даже порой теоретически представлялись неразрешимыми, разрешены в наше время в СССР на практике в одно целое (ве великие силы: народ и коммунизм) (В. М. Мологов).

Горцен воспринимал быт и «начала» революционные как силы, находящиеся в состоянии реального конфликта. А «...у нас социализм не просто строится, а уже вышел в быт, в повседневный быт народа» (И. Сталин).

Горцен писал в «Былом и думам»: «Поэт и художник в истинных своих произведениях всегда народен...»

Художественное творчество Горцева — великий исторический памятник переходной мысли русского народа в эпоху 40—60-х годов XIX века, пролагающей путь к вершинам научного социализма. Произведения Горцева отражают эту мысль со всей ее глубиной, красотой, пылкостью, неустрашимостью и предельной революционностью, со всеми переосмысленными ею мучами и страданиями и неустанным стремлением к победе.

Литературная жизнь городов

СОБРАНИЕ КРЫМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

«Делают же культура, единственной крымской литературно-художественной журналу, за тридцать лет своего существования ни разу не отчитывалась перед своими читателями. А между тем писатели, недовольные работой редакции журнала. Об этом было во весь голос сказано на состоявшемся недавно в Симферополе собрании крымско-татарских писателей, где присутствовали также литераторы, преподаватели и студенты литературных факультетов.

С докладом о работе и плане журнала на 1940 год выступил ответственный редактор Ю. Болат. В прениях приняли участие: секретарь симферопольского городского комитета ВКП(б) тов. Звернев и т.т. Фетислов, Р. Буль, Тавровский, Решит Мурат, Дюбаг, Мансур Сулейман, Газиев, Сейдаметов. В своих выступлениях они указали на низкий художественный уровень печатавшихся в журнале произведений. Редакция не занималась разработкой литературного материала крымско-татар, не воспринимала начинания писателей. Совершенно отсутствовали статьи по вопросам искусства, хотя журнал и называется журналом литературы и искусства.

Президиум собрания было поручено совместно с редакцией, на основе высказываний и пожеланий выступивших, составить план работы журнала на 1940 год. Резкой критике была подвергнута также деятельность литературного сектора Крымгосиздата. В течение многих лет писательская организация не привлекалась издательством к обсуждению плана изданий художественной литературы на татарском и русском языках.

По разделу классиков Крымгосиздат наметил к изданию такие произведения, которые не имеют в настоящее время никакой ценности. Из современной литературы в план вошли произведения, в художественном отношении слабые, тогда как талантливые произведения таких писателей, как Решит Мурат, Фетислов, не нашлись места в плане.

В заключение собрание избрало комиссию в составе т.т. Ю. Болат, Ш. Аляпова, Э. Фейгина, которой поручено заново составить план издания художественной литературы на 1940 год.

НА РОДИНЕ А. П. ЧЕХОВА

ТАГАНОРОГ. (От наш. корр.). Родина А. П. Чехова — Таганрог деятельно готовится к юбилею своего великого земляка.

Таганрогский драматический театр ставит пьесу Чехова «Дядя Ваня». Городская библиотека, носившая имя Чехова, организует большую выставку, отражающую жизнь писателя в Таганроге. Чеховский домик превращен в музей. На двух домах, в которых жил Чехов в Таганроге, учреждены мемориальные доски.

Один из крупнейших таганрогских заводчиков, металлургический завод им. Андреева, организует в своем клубе чеховскую выставку. Члены литературного кружка клуба металлургов изучают жизнь и творчество писателя.

ИТОГИ КОНКУРСА

УФА. (От наш. корр.). Заключился республиканский конкурс на лучшее художественное произведение для детей. На конкурс поступило 68 произведений башкирских, татарских и чувашских писателей и поэтов.

Решением жюри первая премия — 2.000 рублей — присуждена сказке Юсуфа Гареева «Гелеген-губернатор», третья премия — рассказу Хасана Мухтарова «Пропавшие чертежи». Вторая и одна третья премии присуждены никому.

Кроме этого жюри конкурса постановило выдать денежные премии: Мухтару Галееву — за стихотворение «Молодые патриоты», Шайхуну Бахитову — за рассказ «На озере с березками» и Ю. Гарееву — за рассказ «Однажды на Деме».

Образ Ленина в зарубежной литературе

К ленинским дням в Библиотеке иностранной литературы открылась выставка к памяти Ленина. Особый раздел выставки посвящен образу Ленина в художественной западноевропейской и восточной литературе. Здесь выставлены отрывки из биографии Ленина, написанной Ральфом Фоксом, воспоминания о встречах с Лениным Дж. Джерманетто, высказывания Мартина Андерсена-Нессе, отрывки из статьи о Ленине Ромэн Роллана, стихи И. Вехера, Э. Байерта, Э. Мюссе, Эми-Сю. Дякова, Липсева, баллада о Ленине Лейстона Хьюза. Все это — часть большого материала, собранного справочно-библиографическим бюро библиотеки к ленинским дням в библиографии высказывания иностранных писателей о Ленине.

В этом же разделе выставлены переведенные на иностранные языки стихи о Ленине Джамбула, Сулеймана Стальского, В. Маяковского, книга «Леле» А. Толстого и «Как закалялась сталь» Н. Островского.

В селе, где жил А. И. Герцен

Александр Иванович Герцен, как известно, провел свое детство и юность в селе Васильевском, Русского района, Московской области. Это — чудесный, живописный уголок, о котором сам Герцен писал: «Не встречал мест изящнее Васильевского».

Село Васильевское существует и сейчас. Сохранились, в частности, липовые аллеи, о которых вспоминал Герцен в своем «Дневнике».

В настоящее время Васильевское — благоустроенное советское село. В нем есть школа, кооператив, детские ясли. Оно радионетовано. На территории бывшего усадьбы Герцена в трехэтажном охотничьем замке, построенном около 70 лет назад князем Щербатовым, еще в 1938 году советское правительство организовало санаторий, которому присвоено имя Герцена.

В трех километрах от санатория — дом отдыха. Живописный уголок, где Герцен стал одной из здравниц советской страны.

Вызывает удивление тот факт, что рабочие районные организации до сих пор не удосужились учредить в селе мемориальную доску, с указанием, что здесь жил великий русский писатель-революционер.

А. Б.

«СТАЛИН В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

В светлом и прекрасно оборудованном зале Государственного литературного музея 14 января состоялось открытие выставки «Сталин в художественной литературе». В своем вступительном слове директор музея В. Бонч-Бруевич рассказал собравшимся о значении и задачах этой выставки.

В центре первого раздела выставки — щит, посвященный теме «Сталин и Горький». Здесь приведены выдержки из речи Горького на открытии Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году, приветствие товарища Сталина Горькому в связи с сорвалением его литературной деятельности, картина П. Бенцеля «Ш. В. Сталин и М. Горький», портрет Горького маслом П. Корина. Обращает на себя внимание новый вариант картины художника Ю. Казимирова «В. И. Ленин, Н. В. Сталин и М. Горький среди большевиков» — делегатов V ленинского съезда РСФСР.

Новая картина художника А. Ян-Бранченко изображает Горького, читающего товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Душанка и смерть». На одном из стенов помещена фотография страницы из этой сказки, где рукою

Талантливый советский писатель.

Иван Алексеевич Новиков, писатель и журналист, родился 14 января 1901 года в с. Васильевском, Московской области. Его родители — крестьяне. В детстве он читал много книг, интересовался литературой. В 1922 году окончил школу и поступил в Московский университет на факультет журналистики. В 1925 году начал работать в журнале «Красная газета».

В 1927 году Новиков переехал в Ленинград, где работал в журнале «Ленинградская правда». В 1930 году он переехал в Москву и начал работать в журнале «Литературная газета». В 1934 году он был избран членом Союза писателей СССР.

Новиков известен своими произведениями в области журналистики, публицистики и прозы. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей.

В 1938 году Новиков написал повестку «Путь Сталина», посвященную жизни и деятельности Сталина. Эта повесть была опубликована в журнале «Литературная газета».

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

В 1940 году Новиков написал повесть «Душанка и смерть», посвященную Сталину. Эта повесть была опубликована в журнале «Литературная газета».

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

Новиков также известен своими произведениями в области журналистики. Он написал много статей, очерков, рассказов и повестей. Его произведения посвящены жизни и деятельности Сталина, революции, гражданской войне.

товарища Сталина написано: «Эта штука сильнее чем «Фауст» Гете (люблю победить смерть)» — И.Х.—31 г. Н. Сталин». На другом щите этого раздела выставки основное место отводится творчеству Владимира Маяковского, Сулеймана Стальского из их произведений, в частности из стихотворения Маяковского «Домой», а также известные слова товарища Сталина, характеризующие Маяковского как лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

Второй и самый значительный раздел выставки разбит на темы: «Сталин в глыбе гражданской войны», «Сталин—вождь индустриализации», «Сталин и коллективизация», «Сталин — творец конституции», «Сталин и люди советской страны», «Сталин — вождь трудящихся».

Специальные отдели посвящены высказываниям иностранных писателей о Сталине (Мартина Андерсена-Нессе, Анри Барбуса, Ромэн Роллана и других) и работам товарища Сталина, в которых нашли отражение литературные образы из произведений русских писателей XIX века.

В произведениях И. Новикова чистота и ясно побуждают грязь и провал жизни. Это и объясняется, очевидно, позитивным мироощущением художника.

Как любимого своего писателя, публициста и общественного деятеля приветствует И. Новикова литературовед П. Щеркин-Кротов. Он подчеркивает, что не случайно И. Новиков глубоко русский писатель, избрал героями своих произведений двух русских титанов — величайшего поэта Пушкина и автора «Слова о полку Игореве».

С теплой речью выступил затем А. Фадеев. Он подчеркнул, что произведение И. А. Новикова глубоко реалистично воспринимает атмосферу жизни, которая в них описывается. Вместе с тем они замечательно сочетают реализм с глубоко лирическим преломлением жизни и прекрасными поэтическими описаниями русской природы.

А. Фадеев говорит далее о большой цельности, внутренней чистоте и скромности И. Новикова. Без громких деклараций, без единого слова фальши он прошел свой путь, органически связав себя со своей родиной, со своим народом. Цельности и скромности гражданина и художника надо у него учиться.

Общественная деятельность И. Новикова посвящая свое выступление А. Карцев. Он рассказывает о работе писателя в правлении Литфонда и в Тургеневской комиссии СНС СССР, председателем которой он является.

Неторопливо, спокойно рассказывает о себе И. А. Новиков. Он вспоминает 1878 год, 50-летие со дня смерти Пушкина. Жил он тогда небогато, в деревянном доме, в небольшой русской деревушке. Надо было много денег, чтобы собрать рубль пятацких копеек на памятник Пушкину. Вот эта русская деревня, народные сказки, рассказанные нянькой, прекрасная русская природа тогда еще вошли в сознание, навсегда оставив ощущение ритма, бенья русской жизни.

В 1924 году осуществилось давнее желание И. Новикова: он посетил впервые пушкинские места и подумал тогда, что может быть, заветная мечта — творческое общение с великим поэтом — когда-нибудь, будет исполнена. Через десять лет мечта эта реализовалась в книге «Пушкин в Михайловском».

Необычайно убежденно говорит И. Новиков о своей беспредельной вере в непобедимую силу своего народа. Он рассказывает о том, что ему мыслится большая эпопея о русском народе, который приведет свою страну к невиданному еще расцвету.

Поговорка «если б молодость знала, если б старость могла» звучит у нас по-иному, — говорит И. Новиков. У нас молодость знает очень много, а старость — мне кажется, что старость, чорт возьми, еще много может.

И. Новиков прочел новый, три дня назад законченный им рассказ о войне и несколько стихотворений, из которых он хочет составить сборник.

Е. П.

детстве К. Тренева. Издательство предлагает выпустить также второй том романа А. Фадеева «Последний из удагов», новый роман В. Фраермана, воспоминания К. Чуковского о Гегеле, Горьком, Маяковском и Брунее, роман В. Шкловского «Санаторий Арктур», сборник новых рассказов В. Бахметова, художественный перевод биографии Мерима А. Виноградова, повесть Г. Березаева «Живая жизнь» — о Толстом и Достоевском и другие.

Лучшие наши поэты представлены в разделе поэзии книгами стихов, поэмами, переводами.

Среди литературоведческих работ издательство наметило выпустить монографию Л. Фурманова, А. Малышкиса, М. Шолохова, А. Толстого, М. Пришвина, Л. Леонова, К. Тренева.

Таким образом, судя по докладу тов. Яриева и по проекту редакционного плана на 1940 год, «Советский писатель» осуществляет на практике свою основную программу — выпускает первоиздания советских писателей, уделяет большое внимание работе молодых и начинающих писателей, издает их произведения и книги в помощь их творчеству.

Однако проект редакционного плана на 1940 год, принятый советским, содержит и несколько изданий, целесообразность которых кажется нам сомнительной. Почему, например, «Советский писатель» принципиально не переиздающий произведений современных писателей, издаст 45 печатных листов на переиздание романа П. Замойского «Ланца»? Почему переиздаст роман П. Замойского «Океан»? Непонятно, из каких соображений, решив переиздать два произведения Марьянны Шатнян, издательство выбрало в частности роман «Приключения дамы из общества»? Мы с глубоким уважением относимся к творчеству А. Гайдара, но непонятно, почему его книги для детей «Школа», «Военная тайна», «Телеграмма», «Голубая чалма», «Судьба барабанщика» должны быть переизданы в «Советском писателе», а не в Детгизе или в Гослитиздате? Для чего, например, понало издавать в плане «Советскому писателю» повесть Г. Мельникова «Девятая А», получившую резко отрицательную оценку в печати? Издательство выпускает три сборника очерков трех авто-

На премию имени Горького

Премия писателей, выдвигаемых на премию им. Горького, закончена. Утверждена специальная комиссия для рассмотрения спорных писем, предложенных театрами, писательскими и общественными организациями на соискание премии имени Горького за 1939 год. Председатель комиссии — А. В. Солодовников. В состав ее входят писатели: М. Бажан, М. Лысков, Е. Петров, Н. Тихонов и К. Феликс; критики: И. Альтман, А. Гурвич, Ю. Юзвский; театральные деятели: И. Москвин, А. Попов, В. Сахаровский, Р. Симонов, П. Суздиков, А. Хорана и от Комитета по делам искусств: В. Вдовиченко, А. Мороз, И. Бурмистренко и Г. Гершензон (ответственный секретарь).

Областные издательства в 1940 году

ХАБАРОВСК. (От наш. корр.). В 1940 году Дальневосточное государственное издательство выпускает в свет несколько книг местных авторов и писателей, живущих в центре Советского Союза.

В ближайшие дни заканчивается производством книга т. Шевчука «8-й Тунгусский».

Возвратившись с фронта империалистической войны, автор книги, т. Шевчук, организовал на реке Тунгуске партизанский отряд для борьбы с белогвардейской и интервентами. После реорганизации отряда в регулярные части Красной Армии автор командовал 8-м Тунгусским полком. Воспоминания о борьбе дальневосточных партизан в период 1917—1922 гг. и посвятить свою книгу т. Шевчуку, работающий ныне во Владивостоке.

Писатель Юречко заканчивает работу над повестью «Трагично» — также о партизанском движении.

Писатель Купер прислал уже в издательство рукопись большого исторического романа «Дня Марии». Тема романа — история Порт-Артура с конца прошлого века вплоть до его падения во время русско-японской войны.

Кроме того, готовится к печати сборник рассказов С. Диковского «Катер «Смелый», повестуевичий о борьбе советского судна с врагами, занимающимися шпионажем с помощью рыбачьих шхун. Д. Нагишкин дорабатывает сейчас для Дальгиза свою повесть «Бухта Тихая» — о гражданской войне. Издаются также «Тихоокеанские очерки» И. Эсклера, посвященные главным образом Камчатке.

В 1940 году исполняется 35-летие литературной деятельности старшего дальневосточного писателя Трофима Борисова. В связи с этим готовится к печати сборник избранных произведений юбиляра.

МАХАЧ-КАЛА. (От наш. корр.).

Дагестанское государственное издательство в 1940 году впервые издает сборники стихов классика кумыкской литературы Иричи-Казана, классика лезгинской литературы Эмины Эмина и виднейшего аварского поэта Махмуда из Хахаб-Россо. Намечено издание стихов народных поэтов Дагестана орденосносца Гамаста Дадасава (аварский язык), Абултайба Гафурова (лакский язык) и Абулдула Магомедова (кумыкский язык).

Будут изданы также сборники стихов татарского поэта Бахитова, лезгинского — Мусайба Стальского, лакского — Халалаева, сборник «Поэзия ашугов», сборник сказок известного кумыкского сказителя Аду.

К 800-летию со дня рождения Низами Ганжелена намечено издать произведения великого поэта на семи языках народов Дагестана.

На трех основных дагестанских языках — кумыкском, лезгинском и аварском — будут изданы «Халжи-мурат» Л. Толстого, «Капитанская дочка» и «Дубровский» А. Пушкина, избранные стихи М. Лермонтова, рассказы М. Горького и А. Чехова, «Как закалялась сталь» Н. Островского.

В 1940 году Дагестан отмечает историческую дату двадцатилетия со дня объявления товарищем Сталиным автономии республике. К этому времени писательский коллектив готовит сборники о героях гражданской войны в Дагестане, о знающих людях республики и сборник фольклора о Сталине.

В составлении плана, да и в его обсуждении не чувствовалось, что каждый печатный лист столь дефицитной у нас бумаги отдается именно той книге, которая непременно должна быть выпущена. Нам кажется, что редакционный совет несколько либерально пошел в утверждении проекта плана. Большая часть названного плана известна в лучшем случае одному-двум членам редсовета, а штатный редактор издательства, которому поручена та или иная книга, характеризуется обычно в выражениях более чем сдержанных. Так было, например, с книгой писателя П., о котором ее редактор сказал примерно следующее:

— Автор писал раньше плохие стихи. Сейчас написал воспоминания о прошлом. О стиле говорить не приходится — он плох, но факты в книге есть интересные, она полезна будет для юношества.

Мало ли полезных и интересных для юношества книг, написанных — хорошим стилем, можно найти в русской литературе? Зачем же включать в план заведомо посредственные вещи?

На редсовете была сделана попытка отложить книгу стихов А. Ольхона, в которой подобраны малоудачные вещи. Главный редактор издательства тов. Гранин, отстаивая ее, не имел лучшей аргументации, как то, что Ольхон — периферийный поэт, а в плане всего два периферийных поэта. Просто странно слышать сегодня такую аргументацию. Надо не угадать «периферийных» поэтов, для того чтобы считать, что их местожительство может служить оправданием слабому качеству произведений, надо не знать их творчества, для того, чтобы не суметь выбрать у того же Ольхона лучшие вещи для его книги.

Проект плана в ближайшее время будет обсуждаться в совете писателей. Надо надеяться, что писатели и президиум СНС СССР предадут в плане большие требования, чем работники издательства, и строго отнесутся к расходованию бумажных фондов, посвященных на премию имени Горького.

Е. ЛУТУГИН.

Кадр из фильма «Большая жизнь». Производство киевской киностудии. На снимке: артист орденосносца С. Каюков в роли Усманни, артист орденосносца И. Волосельцев в роли Хадарова.

Проблемы литературной теории

При Институте мировой литературы имени А. М. Горького создана группа по теории литературы. Группа объединяет научных сотрудников института и преподавателей теории литературы в вузах.

Работа группы должна привести к созданию сборника «Проблемы теории литературы». Намечаются, примерно, следующие темы, которые должны войти в сборник: стиль — направление — метод; проблема жанра; образ — тип — гротеск; анализ языка художественного произведения; сюжет и композиция; идея и тема.

Уже состоялось несколько собраний группы, на которых были заслушаны доклады о теме и идее — А. Ревякина, о гротеске — А. Белкина.

На предстоящих собраниях групп намечено заслушать доклады «Образ и ленинская теория отражения», «Проблема яркости», «Метод — стиль — направление» и т. д.

Руководит группой по теории литературы Л. И. Тимофеев.

Редакция Литературной энциклопедии вынесла на обсуждение теоретической секции Института мировой литературы им. А. М. Горького предназначенную к напечатанию в энциклопедии статью М. Дышника об эстетике.

Это большая работа, в десять печатных листов, которую автор предполагает развернуть в книгу. Она охватывает всемирную историю эстетических учений, начиная с античного мира, и теорию советского социалистического эстетизма.

Статья подверглась внимательному обсуждению, и участниками его был вынесен ряд принципиальных и конкретных поправок.

Как выяснилось из обсуждения, многие проблемы статьи М. Дышника объясняются специфическими условиями энциклопедической «чресполосицы». Так, например, ему пришлось обойти проблему формы и содержания, выделенную в особую статью. За пределами его статьи осталась также проблема социалистического реализма. Тема эта разработывается другим автором.

М. Серебрянский указал на недостатки заключительной главы статьи — о советском реализме.

ЛЕНИН О ЛИТЕРАТУРЕ

Издательство «Художественная литература» готовит сборник «Ленин о литературе». В этом сборнике будут собраны главные высказывания Ленина по литературным вопросам. Статьи и замечания Ленина о писателях и отдельных литературных произведениях дополняются отрывками из ленинских работ, хотя и не касающихся непосредственно художественной литературы, но помогающих лучше понять ее теорию и историю.

Материал сборника располагается по тематическим разделам. Основные темы: Ленин о Герцене, Белкинском, Чернышевском, Некрасове, Салтыкове-Щедрине, М. Горьком; значение правдивости в художественной литературе; партийная организация и партийная литература; о национальной культуре и языке; Ленин о социалистической культуре и культурном наследии; Из воспоминаний о Ленине. Вступительную статью к сборнику «Ленин и литература» написал В. Р. Щерба.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ СССР

Отделение истории и философии Академии наук СССР одобрило план издания многоотомной истории культуры народов СССР. В этом издании участвует около 50 ученых — историков, филологов, археологов, искусствоведов, коллективы научных институтов.

Сейчас готовится к печати первый том, охватывающий историю культуры русского народа периода VI—XII веков. В текущем году будут подготовлены еще два тома: II, охватывающий время от татарского нашествия до XV века, и III — с конца XV до XVII века. История культуры русского народа рассматривается, примерно, на 10 томов. Текст будет богат иллюстрирован.

Начата работа и над историей культуры народов СССР — Грузии, Армении, Казахстана, Башкирии, Мордовии. Одновременно готовятся и другие капитальные труды в этой области: «История культуры на территории СССР», «Этнография народов СССР» и «Археология СССР».

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ» ИЛЬИ ИЛЬФА

В издательстве «Советский писатель» вышли «Записные книжки» Ильи Ильфа. Книга открывается очерком Евг. Петрова «Из воспоминаний об Ильфе» и статьей А. Горнифельда «Записки Ильфа». В книге помещены анонимные книжки покойного писателя, охватывающие период с 1925 по 1937 год, причем наибольшее число записей относится к последним годам — 1936 и 1937. Часть из этих записей была опубликована в свое время в периодической печати.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Детиздат ЦК ВЛКСМ в ближайшие дни выдает второй том трехтомника избранных произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. Во втором томе помещены: «История одного города», «Сказки» и «Губернская очерки». Том вышел с рисунками художников Курьянских; комментарии и словарь к нему составил В. Яхонтов, С. Макашин, С. Штрайх и И. Прусов.

Первый том, в котором помещены «Господа Головлевы» и «Пшечонская старина», был издан в 1939 году. Издание выходит под общей редакцией Н. Л. Мещерякова, которому принадлежит также вступительная статья.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ул. Горького, 13. Тел. К 1-28-32.

ПОКУПАЕТ КНИГИ РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ: ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ и пр. Для осмотра домашних библиотек в выходные дни ТОГОВАРЕДЫ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН изд-ва «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» Кузнецкий мост, 18. Тел. К 4-42-39.

МАГАЗИН МОСКУЛЬТОРГА № 15 Китайгородский проезд, 1, (у Политехнического музея). Телефон К 5-66-90.

№ 16 Сретенка, 36. Тел. К 5-50-73. № 20 Ул. Горького, 78. Тел. Д 1-36-76. № 22 Арбат, 4. Тел. Г 1-30-39.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ КНИГИ (по истории философии, ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ), для ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВЫСЫЛАЮТСЯ ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.